

ОРО

ПРИЗЫВАЮЩИЙ

СКВЕРНА

ШАГ ПЕРВЫЙ

9999 9999 9999

МАНЫ

Фантазии о силе

Оро Призывающий
Скверна. 999 999 999
маны. Шаг первый

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.531-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Призывающий О.

Скверна. 999 999 999 маны. Шаг первый / О. Призывающий —
«Издательство АСТ», 2023 — (Фантазии о силе)

ISBN 978-5-17-160481-3

Жизнь Марка Ротта, слабого наследника влиятельного рода, кардинально меняется после таинственного события. За 18 лет жизни он ни разу не выбирался из родного города и лишь раз видел невесту, выбранную для укрепления власти. Весьма неудачливый и разочаровавший отца юноша, от которого пытаются избавиться почти все родственники, внезапно становится магом поддержки с бескрайними резервами маны. Осталось освоить эти новые невероятные способности и найти способ отомстить за долгие годы унижений. Марку придется бороться за свое место в мире, где сила имеет решающее значение.

УДК 821.531-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-160481-3

© Призывающий О., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Другая история	5
Наша остановка	10
Шевели мозгами, Марк	14
Это просто паранойя	18
Горящие билеты	23
Оранжевый чехол	29
Начальник поезда Шмидт Д	36
Дебилу блогером не стать	40
Бей первым, умирай последним	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Оро Призывающий

Скверна. 999 999 999 маны. Шаг первый

Другая история

Перестук колес по рельсам, осенний пейзаж за окном, солнце клонится к закату. Подходящая атмосфера для моего первого самостоятельного путешествия. Поездки на поезде – обыденная вещь для большинства людей, но я – другая история. За 18 лет жизни я ни разу не выбирался из второй столицы Альянса Пяти, нашей маленькой страны. Причина, как это часто случается, в моей семье.

Семья – это сложная тема, и моя – не исключение. Можно долго рассказывать о том, что меня не устраивало в жизни, но в итоге все решил один день. Да еще и какой! Десятый день рождения, первый осознанный юбилей.

Тот день мы отмечали с размахом: отец созвал всю городскую элиту и значительную часть столичной – представителей правящих кланов – и устроил роскошный пир в дорогом ресторане. Когда еды и алкоголя на длинных столах стало заметно меньше, отец вышел в центр банкетного зала и застучал по бокалу, привлекая всеобщее внимание.

– Господа! Моему сыну сегодня исполнилось десять лет. Что за великолепная дата! Совсем скоро он станет мужчиной и полноправным наследником клана.

Меня как отца берет гордость за своего мальчика, и я хочу объявить прекрасную новость!

Все вы знаете, как дружен наш род с родом Вульфрика. После долгих раздумий мы решили укрепить наши связи не только дружбой, но и кровью. Через восемь лет дочь Вульфрика и мой сын сыграют свадьбу!

Произносил он это пафосно, с присущей ему важностью. Каждый в зале должен был понять, насколько успешный и влиятельный человек мой отец, раз добился для сына брака с представительницей одного из древних аристократических родов. Со всех сторон раздались аплодисменты, тосты и лестные слова поздравлений. Я же не придавал этому никакого значения, ведь последнее, что интересует в таком возрасте, – это браки по расчету и интриги родителей. В этот момент к отцу присоединился статный мужчина в дорогом костюме. За ним тихо шла покрасневшая девочка примерно моего возраста, которая никак не могла отвести взгляд от пола.

– Я надеюсь, что это решение принесет нашим домам процветание. Марк, – он уставился прямо на меня, ожидая, что десятилетка сможет понять всю важность момента, – когда вы с моей дочкой Элизой подрастаете, она станет вашей женой. Ты должен быть рад, мальчик.

– Я-я рад, дядя Вульфрик... – ответил я, так и не вникнув до конца в суть происходящего.

Мужчина ухмыльнулся и похлопал отца по плечу.

Праздник все никак не кончался, звать успела напиться до такой степени, что каждый захудалый аристократ пытался показать окружающим, как много у него денег и как легко он выбрасывает их на ветер. Это несказанно радовало отца.

Тут я должен пояснить, почему 10 лет – такая важная дата в аристократических семьях. Это переломный момент в жизни именинника, когда тот узнает свой класс силы. Их много, и каждый в какой-то мере определяет дальнейший вектор развития человека на всю оставшуюся жизнь, одаривая бонусами к одному типу характеристик и накладывая штрафы на другие. Для того чтобы узнать класс ребенка, его нужно «пробудить» с помощью специального камня, редчайшего артефакта, имеющегося только у очень знатных домов. Для остальных слоев общества «Пробуждение» было чем-то вроде невероятной удачи, вроде рождения ребенка-гения или выигрыша в лотерею. Редко и невероятно.

Но мой отец не был бы моим отцом, если бы не нашел способа заработать денег даже на столь важном моменте в жизни, как Пробуждение. Как заправский букмекер, он курсировал между столами с пьяными людьми и принимал ставки на то, какой же класс мне выпадет. Сам он был осведомлен о моих выдающихся способностях, поэтому очень аккуратно принимал ставки на предполагаемый класс, следя за тем, чтобы коэффициент оставался играющим ему на руку.

Выдоив своих гостей до копейки, отец с улыбкой вернулся в центр банкетного зала.

– Господа! Вот она, кульминация сегодняшнего вечера. Сейчас мы узнаем, как именно Марк послужит своему клану... и немного разорим ваши карманы!

Зал взорвался пьяным смехом, и взгляды толпы уставились на меня.

– Вносите камень Пробуждения!

Прислуга отворила огромные двери, и четыре воина нашего клана внесли на подставке прозрачный кейс с небольшим, размером с ладонь, камнем. В моей памяти хорошо отпечата-лась ярко-красная руна в самом центре камня. Она заставляла забыть обо всем окружающем мире, вызывая желание коснуться ее. Отец с трепетом открыл кейс и какое-то время просто стоял, разглядывая камень. Затем замотал головой, стряхнул с себя гипнотическую силу руны и, замешкавшись, улыбнулся:

– Иди сюда, Марк. Это очень важный момент.

Я слез со своего стула и заковылял к кейсу под давящими взглядами притихшей толпы гостей. Дойдя до камня, я вопрошающе глянул на отца.

– Ну же, смелее.

Я робко коснулся камня – и в тот же миг сознание словно выбросило из тела. Цвета, звуки и ощущения – все смешалось в голове, создавая феерию из эмоций и чувств. Закончилось все так же быстро, как и началось. Я попятился назад, и отец подхватил меня за плечи. Толпа заворованно молчала, ожидая узнать, какой класс я получил.

Убедившись, что я твердо стою на ногах, отец подошел к камню и вгляделся в него. Там не было ни текста, ни символов, ни рисунков – но отец, казалось, видел там что-то недоступное взгляду.

– Пробуждение! – внезапно воскликнул он. – Получен класс «Маг»! – в его голосе были слышны нотки удивления.

– Специализация – «Поддержка»! Атрибут... Он внезапно осекся, а затем тихо продолжил:

– «Уроборос»...¹

Я оглянулся по сторонам и заметил замешательство на лицах гостей. Тогда я еще не понимал, что именно со мной не так. Никто не понимал, что за атрибут мне выпал. Кроме отца, который видел все детали и Пробуждения, и полученного дара. Остальные узнали чуть позже, когда прочли в интернете.

Класс «Маг» считается хорошим, да и «Поддержка» – не последняя специализация. Возможно, с таким классом нельзя тягаться с воинами, берсерками и прочими боевыми классами один на один, но для наследника клана, у которого в подчинении не одна сотня людей, умение помочь войску во время битвы полезнее, чем самому расшибать черепа. Не зря говорят, что за всю Великую Войну Император, тоже маг поддержки, ни разу не вытащил меча из ножен.

До этого момента в нашем роду не рождалось ни единого мага. Мои предки со стороны отца все как один были прославленными мечниками, подтипом класса «Боец», рвущимися в бой в первых рядах, что создавало определенные ожидания и от меня. Однако и моему классу

¹ Уроборос (слово древнегреческого происхождения, от οὐρά «хвост» + βόρα «пища, еда») – свернувшийся в кольцо змей или ящерица, кусающий себя за хвост. Трактуются как символ вечности и бесконечности, циклической природы жизни: чередования созидания и разрушения, жизни и смерти, постоянного перерождения и гибели. – *Прим. ред*

можно было найти объяснение. Во-первых, одним из главных атрибутов моего рода была аура исцеления, помогающая союзникам сражаться куда дольше и яростнее, чем врагам. А, во-вторых, моя мать: ей выпал класс «Чернокнижник». Носители этого класса специализируются на нанесении разного рода проклятий и массовом ослаблении противников, что в паре с аурой исцеления отца создавало мощную комбинацию, способную изменить ход боя в нашу сторону даже при численном превосходстве врага. От матери мне досталась возможность проклинать.

Я мог бы свернуть горы, исцеляя союзников и проклиная врагов. Мог бы стать одним из легендарных военачальников, подобных Императору. Однако у судьбы оказалось ужасное чувство юмора. Все дело в атрибуте «Уроборос». Название – точнее некуда. Невозможно сосчитать, сколько раз я проклинал судьбу за этот убогий атрибут, на каждый плюс которого приходился более существенный минус. Его суть в том, что я, как пожирающий сам себя змей, могу лечить и проклинать только себя, причем с двойным эффектом и двойными затратами маны².

Меня нельзя проклясть. Но меня нельзя и вылечить. На меня не подействует даже самый сильный проклятый артефакт... Но в моих руках даже величайший священный меч превратится в обычную железную палку. Уже не говоря о том, что «Уроборос» никак не улучшал меня физически. По основным параметрам я простой человек. Как бы я себя ни усиливал, даже с удвоенной эффективностью, я никогда не сравнюсь с полноценным бойцом. У меня никогда не будет ни одного умения, доступного другим полноценным классам. Я практически бесполезен. В тот момент моя жизнь рухнула, а разочарование в глазах отца крепко въелось в память. Порой мне казалось, что иначе он на меня и не смотрел.

* * *

Формально я остался наследником, но все чаще об этом говорили со смешком. Думаю, если бы не брак, о котором мой отец договорился с Вульффриком, то меня бы давно исключили из линии наследства в пользу двоюродных братьев. Да, по какой-то неведомой причине помолвку не расторгли. Возможно, так было выгодно окружению отца; возможно, Вульффрик расставил сети на долгие годы вперед, и теперь ему просто не хотелось рушить планы – не знаю, меня никто не ставил в известность.

Ясно было только одно: Элиза будет моей женой чисто технически. Жизнь не дарила мне подарков, поэтому я не верил, что мы полюбим друг друга и будем радостно жить вместе. Скорее наоборот, она будет держать меня рядом как живое свидетельство законности своих прав и распоряжаться всеми делами рода от моего имени. Возможно, даже нарождает детей от какого-нибудь другого мужчины и выдаст их за моих.

Меня такой расклад не устраивает. Последнее, чего мне хочется, – так это стать марионеткой в руках каких-то интриганов. Именно поэтому пару дней назад, за неделю до своего восемнадцатилетия, я принял самое безумное и самовольное решение в жизни: вопреки воле отца я еду расторгать помолвку с Элизой. Это полностью моя инициатива, попытка воспользоваться последним шансом изменить жизнь и хоть немного улучшить ее.

Я думал, совершить побег будет куда сложнее. Последние восемь лет меня оберегали, как комнатный цветок, но никто не заметил, что я купил билеты на дешевый ночной поезд, в котором практически не было занятых мест. Хваленые папины спецслужбы все проглядели. Я трезво оцениваю ситуацию и понимаю, что они могут спокойно меня найти. Но пока это случится, пока поймут, что меня не похитили, а я уехал сам, пройдет уйма времени. Скорее всего, я уже буду на полпути к пункту назначения.

² Мана – в различных верованиях сверхъестественная сила. Носителями маны могут быть отдельные люди или другие животные, различные предметы.

Забавно, но я ни разу не пользовался общественным транспортом, да и за город никогда не выезжал, а теперь сижу и смотрю в окно поезда, направляющегося в столицу. Даже когда меня начнут искать, служба охраны только под конец додумается пробить список проданных билетов на поезд. И даже когда они узнают о конечном пункте прибытия, они не успеют меня остановить.

Да и кому может прийти в голову, что я еду к Вульффрику с такой целью? Никто в здравом уме не захочет разрывать помолвку с наследницей второго по значимости рода в нашей стране. Скорее решат, что парень просто напридумывал себе романтики и хочет повидаться с невестой, гори она синим пламенем, до свадьбы.

В их глазах я слабый наивный паренек, который всегда делает как велено и ведется на «письма от невесты», очевидно написанные руками папиных прислужников.

К слову, об этих письмах. Это вообще такой цирк, словами не передать! Они меня считают полным идиотом? Пишут от ее имени с фальшивой страницы, созданной на скорую руку. Думают, я не пойму, что общаюсь с фейком, когда существует точно такой же профиль – настоящий, с живыми подписчиками, лайками и реальной активностью?

Вот серьезно: все эти разговоры с фейком и попытки изобразить по уши влюбленного подростка в переписке мне стоили куда больших усилий, чем эта поездка. Если когда-нибудь стану главой клана, то уволю всех к черту. Уж очень я их ненавижу.

Мне каждый день приходилось кривить душой, делиться переживаниями с тем, кого на самом деле не существует. Тесно общаться с людьми, воспринимающими это общение как простую работу, которую выполнил – послушал этого нытика – и забыл. А мне потом заходить в соцсеть, видеть реальную страницу той девушки и понимать, что на самом деле она о тебе не знает и ей глубоко плевать на тебя.

Хотя именно это общение и дало мне необходимое преимущество. Ведь они верили во все то, что я скармливал их «настоящей» странице.

Недаром говорят: если хочешь обмануть – расскажи 90 % правды и скрой за ней 10 % лжи. Приходилось заставлять себя писать то, что не хочешь. Рассказывать о себе: о том, что думаю об окружающих меня людях, отце, матери и даже чертовых спецслужбах. Мне пришлось рассказать о настоящих мечтах и планах, фантазировать о совместном будущем с невестой. А это было самым сложным, ведь чтобы фантазии казались настоящими, приходится заставлять себя поверить в ложь, а затем обратно возвращаться в реальность. Тьфу, даже вспоминать противно.

Я уверен, если они узнают, где я, никто не будет останавливать поезд – меня просто попытаются найти на вокзале и вернуть обратно, перед этим популярно объяснив, что очень невежливо донимать девушку. Но на этот счет у меня тоже есть план.

Я просто выйду на пару остановок раньше, а затем куплю билет на электричку (документы для этого не нужны) и через две пересадки выйду на окраине столицы. Дальше возьму такси и буду надеяться на везение. Вернее, на отсутствие невезения. В столицу я приеду позже, чем поезд, следовательно, службы в это время уже будут нервничать и копошиться. Начнут сомневаться в моих изначальных мотивах и прорабатывать альтернативы. А полученная за годы репутация простого парня не даст им версий, которые могут встать мне боком.

На этом этапе они не станут публично объявлять о пропаже наследника и еще несколько часов будут прочесывать столицу своими силами, что мне только на руку. Мне остается лишь не наткнуться случайно на их людей и спокойно доехать до резиденции «будущего тестя».

А дальше я объявлю о разрыве помолвки, что изрядно взбесит абсолютно всех, а некоторым даже добавит седых волос. Также важно, чтобы заявление было публичным – тогда никто ничего не сможет отыграть обратно. Людей уже будет не заткнуть, как и не получится отшутиться, сославшись на мой юношеский максимализм и причуды.

Скорее всего, мне сильно достанется от отца. Может быть, изгонят из семьи или заставят жениться на какой-нибудь дочке мелкого папиного партнера, чтобы выжать из моего существования хоть немного выгоды. Любой из этих вариантов кажется более привлекательным, чем жизнь наивного рогоносца.

Но с этим я буду разбираться потом.

Наша остановка

Поезд мерно постукивал, задавая успокаивающий ритм. Я сидел, подперев подбородок рукой, и наслаждался видом из окна: мимо проносились поля и редкие деревья. Солнце уже подошло к горизонту, и с каждой минутой становилось все темнее. Мир погружался в вечерний сумрак.

В какой-то момент пейзаж за окном сменился: бесконечные поля, точно раскиданные на горизонте деревеньки и леса, похожие друг на друга как две капли воды, сменились заборами и огромными промышленными комплексами, вся территория которых была забита цехами и ржавыми трубами, опутывающими заводы подобно паутине. Через какое-то время промзона осталась позади – и мы въехали в пригород. Покосившиеся здания, бурная растительность, произрастающая там, где в ином случае от нее бы уже давно избавились, и темнота в окнах, несмотря на почти закатившееся солнце, – все это говорило о том, что в этом городе уже давно никто не живет.

Прежде чем поезд успел въехать в заброшенный город, проводник прошелся по вагону и закрыл все окна. Интересно, зачем? Жаль, что я не разузнал о маршруте поезда заранее, но правила есть правила. Я с сожалением взглянул в окно в последний раз и задернул занавески. Поезд был под стать ценам на билеты – очень дешевым и не предоставляющим особого комфорта. Сидячий вагон с обшарпанными сидениями, которые были расставлены друг напротив друга, создавая импровизированные квадратные секции по четыре сидения в каждой, громко шумел и ощутимо подскакивал на рельсах. Не считая пары стариков, сидевших неподалеку, больше людей в вагоне не было. Видимо, этот маршрут и правда не пользовался бешеной популярностью.

Было до жути скучно. Я хотел немного отодвинуть шторку и выглянуть в окно и уже было дотронулся рукой до ее края, но в последний момент остановился.

– Вижу, в первый раз в поезде едешь, да? – раздалось у меня над ухом.

– А что, так заметно? – удивился я, поворачиваясь.

Ехавший рядом старик как раз встал со своего места с пустой чашкой в руках. Видимо, отправился за водой или чаем в начало вагона, но по пути увидел, что я собираюсь сделать.

Он усмехнулся.

– Все в первый раз хотят выглянуть в окно. Ничего там нет интересного, только настроение себе испортишь.

Я пожал плечами.

– Это вряд ли.

– Ну-у, может, еще на пару ночей кошмаров себе заработаешь. А оно тебе надо? Поверь, это того не стоит.

Это заинтриговало меня еще больше.

– А что я там могу увидеть?

Старик посмотрел на сидение напротив, резко протер его ладонью и уселся.

– Мертвый город, что ж еще. Ну и то, что в нем. Сам не поймешь, что увидишь, да и рассказать никому не сможешь. А потом это тебе во сне еще долго приходить будет. Наутро даже вспомнить не сможешь, что у тебя над кроватью стояло, только страх и останется... Если рядом кто есть, то, может, и расскажет, но жена моя, – дед указал на свою спутницу, которая, нахмурившись, смотрела на старика, – напрочь отказывается об этом говорить.

Та же, в свою очередь, тяжело вздохнула – видимо, от воспоминаний.

– То есть этот город опасен? – спросил я.

– Ну, можно сказать и так, – дед немного поморщился.

– Но почему тогда через него все равно ходят поезда?

– Хм, когда этот город стал таким? Лет десять назад? – пробормотал дед, покручивая в руках пустую металлическую чашку. – Кому есть дело до дорог и обычных людей? Тут чтобы новый железный путь проложить, нужно в обход города делать, причем не для одного десятка маршрутов. А зачем, если старая дорога еще долго будет годной для проезда?

В силу своего скудного опыта я не совсем понимал, что он имел в виду.

– Проще по старому маршруту пустить поезда, – продолжил он. – Мы еще два таких места проезжать будем.

Я сидел и внимательно слушал. До этого я ведь вообще ничего толком не знал о городах-призраках, кроме, конечно, того, что они существуют – и в Империи, и в Республике, и у нас, в Альянсе Пяти – маленьком государстве-конгломерате, расположившемся прямо между двумя великими державами.

Впрочем, старик и сам не спешил развивать тему.

– Просто забудь об этом и не иди на поводу любопытства. Ты его не утолишь, даже если час будешь глядеть на город.

– Ага, – кивнул я, косясь на шторы: те немного покачивались, и казалось, что вот-вот будет видно город через открывшуюся щель между шторами и рамой окна.

Мертвые города. Вместо фраз ни о чем старик мог бы и пояснить. С одной стороны, все знают об их существовании, многие были вынуждены срочно переезжать после таинственной «эвакуации» без объяснения причин. С другой же – мало кто знает, что именно в них творится, а уж о том, откуда они берутся, и вовсе ничего не известно. В сети можно было наткнуться лишь на конспирологию, где правду невозможно отличить от выдумки; в учебниках о таких вещах не писали, да и учителя старались избегать этой темы.

– А ты куда вообще едешь-то? – спросил он меня, пытаясь отвлечь от навязчивого любопытства. – Наверное, в столицу? Домой, в гости или на учебу?

– Можно сказать, что по делам, – ответил я сухо, ненароком обратив внимание старухи на себя. Та улыбалась.

– Какие дела-то в твоём возрасте? – хохотнул дед, опять отвлекая меня от созерцания штор. – Или говорить не хочешь? Так мне оно и не надо, я, наоборот, помочь тебе хочу. Может, совет какой дам.

– Да к девушке он едет, старый ты дурак, – проворчала бабуля, отодвинувшись от своего окна ближе к проходу, чтобы было удобнее с нами разговаривать. – Догадаться сложно?

Я пожал плечами.

– Ох ты, старая... Будь это девушка, то она бы ехала к нему, а не он к ней, – пробурчал дед. – Все-таки ей входить в семью мужа, это ее право и обязанность – следовать за будущим мужем.

В ответ на это старушка закатила глаза и закачала головой, понимая, насколько старомодно звучат взгляды дедули. В наши дни, пожалуй, разве что аристократы из самых древних семей были такими закоренелыми приверженцами патриархата, да и то с натяжкой. А уж у новой аристократии, к которой принадлежит и мой род, все куда проще.

Я оглядел стариков. На вид им было за 70, люди, по всей видимости, простые да и небогатые, раз едут со мной на этом поезде. К тому же явно старой закалки и порядков времен перестройки после Великой Войны.

Война, прогремевшая по всему континенту больше 100 лет назад, изменила мир как в целом, так и в мелочах. Государства Западной Европы объединились в Империю, а к Востоку от нас возникла Республика. Тогда же появились и первые Пробужденные с их силами, непредставимыми прежде. Две страны-гиганта строили новую жизнь на обломках старых государств.

Тогда же образовался и Альянс Пяти – на бумаге независимое государство, а по факту марионеточная буферная зона между Империей и Республикой. Впрочем, даже в марионеточной стране власть могла быть реальной, а жизнь – красивой, а потому старая и новая аристокра-

тия также делила Альянс на зоны влияния, меняла устоявшиеся порядки и стремилась урвать кусок пожирнее.

– Пень ты старый, – старуха не скупилась на слова. – И дурак, раз ничего не понимаешь.

– Я ничего не понимаю? Да с чего бы! Во все времена люди одинаковы. И отношения между ними тоже. Все строится на заветах предков...

– Ваша жена права, – вздохнув, решил я прекратить их спор. «В том, что вы пень старый», хотел было я пошутить, но решил не хамить старшим. – Еду и правда к девушке, но романтикой здесь и не пахнет. Скорее всего, даже и не увижу ее после этого.

Думаю, ничего страшного, расскажи я им немного правды, все равно они простые люди, и мы никогда больше не встретимся.

Старик странно посмотрел на меня, покачал головой, а затем встал и отправился к комнате проводника. Я же остался наедине с его супругой. Мы посмотрели друг на друга, но никто из нас не решился продолжить разговор.

А я тем временем подумал о небольшой шутке. Почему бы мне не добавить «огонька» и не написать моей невесте в личку на реальный аккаунт? Написать: «Еду к тебе, скоро буду». Всегда есть шанс, что она даже не увидит мое сообщение или отнесется к нему несерьезно – как-никак у моего профиля каких-то жалких 100 подписчиков, а у нее за 10 000 перевалило, но шанс есть.

Мобильную сеть мой телефон мог поймать хоть в океане, так что отправить сообщение из поезда не составляло труда. Что ж, подумано – сделано! Я дважды перепечатал сообщение, отправил его – и... сразу же выкинул телефон в приоткрытое окно поезда. В этот момент я увидел, что находилось снаружи: редкий лес, какое-то подобие силосной башни – и все. Я задернул штору как ни в чем не бывало.

Выбросить телефон было немного сумасбродно, согласен, но я не хочу случайно увидеть сообщение, если моя невеста вдруг решит ответить. Тогда я могу не удержаться и продолжить переписку. К тому же мне все равно нужно было избавиться от телефона. Пауки (а именно так я называл свору прихвостней отца, выющих свои сети вокруг нашего клана) могут легко отследить меня по GPS. А так я еще больше их запутаю: возможно, они подумают, что я остался в мертвом городе, и потратят часть сил на мои ложные поиски.

Хотя, черт бы меня побрал, выбросить телефон в окно без задних мыслей – поступок, достойный какого-нибудь дешевого сериальчика: я ведь мог просто вынуть батарею. Или наоборот, работающий GPS-датчик мог бы стать козырем в моем рукаве, так просто подарив паукам ложную уверенность в том, что они всегда знают, где я нахожусь. Я также легко мог бы отобрать ее в нужный мне момент, оставив телефон в каком-нибудь автобусе, – и пусть себе гадают, отчего наследнику клана так понравилось мотаться от конечной до конечной. Но что сделано, то сделано. Жаль, что все лучшие варианты приходят в голову уже после совершенной глупости.

И снова мой взгляд перешел на занавеску. Так и тянуло немного отодвинуть ее и еще раз взглянуть на вид за окном. Но я все никак не мог решиться, продолжая сидеть и смотреть на нее.

Пока меня не хлопнули по плечу.

– Говорю тебе, ничего там нет, – дед стоял за моей спиной с чашкой чая в руке. – Отвлекись от нее и расскажи лучше, чем занимаешься? Учишься?

Я скривился. Врать не хотелось, а говорить правду было нельзя. Придется выкручиваться.

– Да. Учусь сейчас на дому из-за личных обстоятельств, но через год отец планирует отдать меня в столичную академию.

– Фу-у-у, – скривился дед и даже глаза закатил. – А что-нибудь еще скучнее он не придумал? Сам-то ты чего хочешь?

Я пожал плечами.

– Ничего не хочу. У меня все равно нет выбора, это окончательное решение отца. Да и... не сидеть же мне всю жизнь дома.

Старик покачал головой.

– Почтение к родителям – это, конечно, хорошо. Но я как бывалый родитель тебе советую: думай своей головой и определяй свою судьбу сам. Если долго ходить на поводу, то, не ровен час, привыкнешь к нему, а это никогда хорошо не заканчивается, – он вмиг погрузился, словно выуживая из своей памяти что-то из личного опыта.

Я кивнул.

– Поэтому я сейчас и еду в столицу.

Тут уже оживилась жена этого дедули – видимо, что-то поняв из моих слов.

– Так, а родители знают о твоей поездке?

Я покачал головой.

– Нет.

Услышав мой ответ, женщина тепло посмотрела на своего пожилого супруга.

– Прямо как ты в молодости.

Я в этот момент немного смутился, потому решил быстро перевести тему:

– А когда мы проедем этот город? И что в нем такого произошло, что он стал заброшенным?

Ответ я получил совсем не тот, что ожидал.

– Да что ж ты заладил с этим городом! – дед неожиданно вспыхнул, хлопнув себя по ногам. – Что ж тебе с ним нейдет! Просто выкинь его из головы и не накликай на себя беды!

– Ла-адно, – я озадаченно поглядел на его супругу, но та лишь покачала головой.

Разговор на этом временно прекратился. Я уставился в потолок, а старик еще некоторое время продолжил ворчать себе под нос, пока наконец не встал, чтобы отнести пустую кружку проводнику.

– Больная это тема для него, – воспользовавшись отсутствием старика, произнесла его супруга. – Жили мы здесь когда-то, – старушка грустно улыбнулась. – А как уехали, все хуже стало.

Я удивленно посмотрел на морщинистое лицо старушки.

– Да и едем мы не в столицу, а в этот город. Скоро будет остановка.

Я сглотнул. Остановка? Какая остановка? Разве тут кто-то живет?..

А затем я взглянул в ту сторону, куда ушел старик. Тот стоял в конце поезда и, сжав кулаки, глядел в окно. Глядел долго, пристально. Шторы были раскрыты.

Он отстранился и направился напрямик к стоп-крану. Дверь в тамбур была открыта, и я увидел, как он сорвал предохранитель и опустил рукоять.

Поезд с диким скрежетом стал останавливаться, а я сидел ошарашенный и все никак не мог осознать, что именно произошло. Лишь когда поезд окончательно встал, получилось выйти из ступора и перевести взгляд на старуху. Она виновато улыбнулась мне, встала со своего места, взяла сумку и посмотрела в глаза.

– Ну, вот и наша остановка.

Не прощаясь, она направилась к мужу, который ждал ее у самого выхода. Он тоже улыбнулся мне.

А затем они ушли.

Шевели мозгами, Марк

Я продолжал хмурить брови, глядя в сторону выхода, в котором скрылась пожилая пара. В голове было совсем пусто – я никак не мог осознать, что именно сейчас произошло. Все пошло совсем не по плану, и это напрочь выбило меня из колеи.

Вагон остался без единой души, я принялся нелепо оглядываться по сторонам в ожидании персонала поезда, да хоть кого-нибудь! Однако даже спустя пять минут после остановки никто не подошел ко мне. Я был совершенно один.

Еще через минуту-две я окончательно пришел в себя и смог заставить тело двигаться. Ступор постепенно уходил, на его место приходила паника, которую я тут же постарался успокоить. Ничего ведь такого не случилось, да? Персонал поезда обязан быть где-то тут, неподалеку.

Я направился к комнате проводника и постучал. На мой стук никто так и не ответил. Еще немного постояв и не дождавшись результата, я дернул за ручку – и дверь отъехала. Но увиденное заставило меня захлопнуть ее обратно.

Можно было бы подумать, что будучи наследником аристократического клана, рода прославленных мечников, я просто обязан был сохранить невозмутимое лицо и цинично пожать плечами, увидев мертвого человека. Но нет, я никогда не видел трупов, поэтому я едва сдержал желание выплюнуть желудок, увидев тело проводника с лужей крови под ним.

В этот раз сдержать панический приступ оказалось в разы сложнее. Ради этого я отправился в самую дальнюю часть вагона, подальше от тела, уселся на свободное место и стал просто дышать. Настроить себя на продуктивное русло получилось, но вот успокоиться – нет. Руки все так же потряхивало, ноги были словно ватные, а в ушах стоял звон, не дающий сосредоточиться.

Так, шевели мозгами, Марк. Как и когда это могло произойти? Когда ты видел проводника живым в последний раз? – Минут 10 назад, перед тем как старик пошел за чаем. Несложно догадаться, кто это сделал, да и кроме нас в вагоне никого не было. Старик убил проводника, чтобы тот не помешал ему? Не оглушил, не связал, хотя мог это сделать, а именно убил.

Но главной мыслью в моей голове было другое: «Как же мне все-таки повезло». Я не знаю, кем был этот дед на самом деле, но когда он «ходил за чаем», я не услышал ни единого звука или шороха, не почувствовал ничего подозрительного. Ничего такого, что можно было бы почувствовать, когда рядом человек умирает насильственной смертью.

Старик смог убить проводника бесшумно, так, между делом. А затем вернуться назад и даже не измениться в лице, будто мгновение назад не человека жизни лишил, а просто за чаем сходил. Ну да, именно это он и сделал.

Что страшнее: труп в вагоне или остановка в этом чертовом городе? Даже не знаю. Но надеюсь, мы скоро поедем, и из проблем останется только труп. В конце концов, это был всего лишь стоп-кран. Небольшой осмотр – и машинист опять тронет поезд. Мне нужно просто немного подождать.

«А если не тронет?» – пронеслось у меня в голове. И следом последовало решение: тогда мне придется пройтись по поезду к головному вагону, отыскать машиниста и выяснить обстоятельства. Донести известие о том, что случилось. Ничего сложного.

В какой стороне там голова поезда? Ага, в той же, где и труп. Класс.

Пулей пролетев мимо комнаты проводника, я оказался в тамбуре, из которого вышли старик со старухой. О том, что я был в этом вагоне не один, сейчас напоминала только небольшая щель в дверях, из которой дул сильный сквозняк. Я попробовал дернуть за ручку – заперто. Видимо, дедуля прихватил у проводника ключи и запер двери за собой. Спасибо ему, что уж тут сказать.

А вот у меня ключей нет, и это проблема. Все выходы и входы в наших поездах закрыты на замок во время поездки, чтобы какой-нибудь дурак не решил выскочить на полном ходу и отполировать лицом землю. Открытыми оставляют лишь двери между самими вагонами. Это значит, что мне нужно двигаться вперед к голове поезда через смежные вагоны, так как мой находится в хвосте. Я стоял как раз перед нужной мне дверью и, недолго думая, потянул за ручку. Времени в обрез – в любой момент могут появиться люди отца.

Я оказался в тамбуре соседнего вагона. Передо мной двери, ведущие в пассажирское помещение. Слышны голоса. Человеческие, слава богу, и молодые. Говорят довольно спокойно, несмотря на ситуацию. Я вошел и увидел приятный интерьер вагона люкс.

Людей было немного. Две девушки и трое молодых парней чуть старше меня, которые столпились в противоположном конце вагона; зрелая женщина и старик без ноги, сидевший на своем месте в середине вагона. Он хмуро уставился прямо на меня.

Я неспешно шел под прожигающим взглядом мужчины, в то время как женщина витала в облаках. Остальные были увлечены разговором и не обращали на меня внимания.

По дороге нужно решить, как представиться явно не клановским пассажирам. Одет я повседневно: когда выходил из дома, пытался подобрать самую простую и недорогую одежду из своего гардероба – серая толстовка, простые джинсы и тренировочные кеды, – так что я должен был выглядеть как обычный парень.

Я не собираюсь рассказывать ни о своем происхождении, ни о случившемся в моем вагоне, ни о сумасшедших деде с бабкой, что вырвались на свободу и бродят сейчас где-то неподалеку. Умолчать я решил и об ужасах этого города, услышанных мною от соседей по вагону (хотя я не уверен, можно ли вообще верить словам этих умалишенных). В общем, зачем разводить панику?

С одной стороны, мое происхождение позволяет взять руководство на себя. Пробужденные были выше обычных людей, аристократы – выше Пробужденных, а уж семьи уровня Роттов возвышались даже над обычными мелкими аристократами; в теории я здесь имею больше прав, чем начальник поезда. С другой, зачем мне это нужно? А вот работникам поезда о том, кто я такой, сказать все-таки придется. Все-таки у меня в вагоне труп, а старики ушли. Подозрения сразу падут на меня.

Значит, решено. С неклановскими я контактирую по минимуму (в идеале – вообще ни с кем не говорю) и направляюсь напрямик к персоналу.

Я уже хотел было воплотить свой план на практике, пройдя мимо людей, но... увы.

– Эй, пацан! – один из трех парней заметил меня, когда я все-таки сумел тихо миновать их и подошел к двери в следующий вагон. Остальные резко обернулись и уставились на меня. – Туда нельзя.

– Почему? – остановившись, спросил я – и сразу же заметил, что боковая дверь на улицу была открыта.

– Проводник сказал оставаться тут, – ответил мне он же. Бритоголовый, на вид – едва за 20, одет, как и его друзья, в «особенную» брендовую одежду. Такую можно носить исключительно членам определенных неофициальных группировок, так называемым «правым», и запрещено надевать обычным людям, богачам и даже членам кланов.

Особенно членам кланов. Ведь именно им противостоят эти группировки. Если в такой одежде увидят человека, не относящегося к их группе, то обязательно спросят, на каком основании он ее носит. И если ты не из своих, то разденут прямо там, на улице.

Такие спутники – та еще проблема. Теперь я точно не могу раскрыть свою личность. Если эти трое – и правда члены того движения, о котором я думаю, то о богатеньких сынках могущественных кланов они не лучшего мнения, а следовательно, конфликта не избежать.

Пауза, во время которой я хмуро рассматривал причудливый внешний вид парней, заметно затянулась. Теперь, чтобы не давать им повода придумать претензию в мой адрес, нужно выдавить из себя все возможное дружелюбие.

– Думаете, долго стоять будем? – произнес я с вежливой улыбкой.

Все тот же бритоголовый глянул на меня с легким презрением в глазах и, сложив руки у груди, лениво ответил:

– Мы тебе на справочную похожи? Жди, – он раздраженно покачал головой и повернулся к своим менее разговорчивым товарищам, которые от нечего делать решили закурить прямо там.

Девушки прыснули смехом.

– Скорее на информационный стенд, – сказал я первое, что пришло на ум. Я не хотел им грубить, но такой наезд на ровном месте меня тоже не обрадовал.

– А ты смешной у мамы, да? – по лицу главного из троицы было заметно, как сильно его раздражает, что я постоянно отрываю их от разговора с девушками. Он демонстративно выдохнул и посмотрел мне прямо в глаза.

– А почему дверь на улицу открыта? – я продолжил задавать вопросы, пытаюсь делать вид, что не заметил, как их раздражаю.

Бритоголовый втянул грудью воздух, скорчив улыбку в духе «когда ты наконец-то уйдешь, debil», и решил, что проще будет быстро ответить, чем ждать моего ухода.

– Проводник хотел пройти по вагонам, но дверь с какого-то ляда не открывалась. Вот он и вышел через улицу, а нас посторожить ее попросил, – он на секунду замолчал, очень внушительно глянул на меня и отчетливо произнес, – ты ВСЕ спросил?

– Ага, – улыбнувшись, кивнул я и оперся спиной о стену. Мол, решил подождать, как все.

Что тут сказать, я просто блистательно втерся к ним в доверие! По крайней мере, меня не стали ни о чем спрашивать и переключили внимание обратно на девушек. Судя по тому, как парни смотрели на последних, их интересовало не столько само общение, сколько их тела. Особенно блондинки: у нее фигура была словно с обложки журнала.

Что же до остальных пассажиров... Я еще раз окинул взглядом вагон. Самой перепуганной выглядела женщина в летах. Она дрожащими пальцами теребила какой-то кулон у себя на шее и нервно оглядывалась по сторонам. Одноногий старик же, напротив, был спокоен как удав. На его лице даже сияла мирная улыбка, а еще он то и дело протирал свои костыли салфеткой – видимо, от скуки.

В то же время парни вернулись к беседе с девушками.

Бритоголовый комфортно развалился на сиденье и выдавал сомнительного качества шутки, каждая из которых, тем не менее, попадала в цель, заставляя девушек прикрывать рты ладонями от смеха. Было видно, что он не привык лезть из шкуры вон, чтобы получить немного женского внимания: все шло как по маслу и без особых стараний. Чего нельзя сказать о его друзьях. Первый – коротышка – невпопад перебирал темы для разговора в попытках перетянуть одеяло на себя и делал дамам неловкие комплименты, от которых испытывал стыд даже я, а второй – длинный и худой – больше молчал, изредка поддакивая бритоголовому.

Кажется, про меня забыли. Появилась брешь в обороне двери из-за этих смешливых девчонок? Как типично. Этим и воспользуемся.

Я быстро развернулся и направился к двери в тамбур.

– Эээ, ты куда? – встрепенулся один из них, наименее опасный по виду коротышка. Судя по всему, ему так и не перепало женского внимания и интереса, раз он удосужился оказаться настолько внимательным. Либо он решил выпендриться и поднять репутацию перед дамами за мой счет. Черт.

– В туалет, – я попытался звучать максимально убедительно.

– Проводник сказал не выходить! Что тебе не ясно? – буквально в два шага он оказался рядом со мной. Точно понтуется перед девушками.

Я внутренне выругался.

– Мне никто ничего не говорил. Отвали, – я глянул на девушек за его спиной. – Не позорься.

– Следи за базаром, черт, – его лицо скривилось.

В этот момент бритоголовый лидер тоже встал и открыл рот, чтобы вставить какую-то реплику, но мне уже стало очевидно, что конфликт достиг той стадии, когда бьют в морду. Мой изначальный план провалился. Смываемся по-быстрому.

Я молча потянулся к ручке двери и открыл ее.

– Ты тупой или что?! – коротышка схватил меня за левую руку.

Я с разворота вмазал ему в глаз кулаком. Он явно этого не ожидал и ослабил хватку. Я легко вырвался и кинул косой взгляд на позиции оставшихся парней.

Два «правых» уже были на полпути ко мне, готовые ввязаться в драку. Девушки заверещали, но это было словно писк мыши на фоне сирены: женщина с середины вагона внезапно устроила нам звуковой удар, завизжав так, что задрожали окна.

Это изрядно напугало не только меня, но и двух «правых», несущихся ко мне. Они затормозили и оглянулись назад.

– У-убью! – заорал коротышка, единственный из нас всех, кто не растерялся в тот момент. Он налетел на меня всем весом и попытался повалить на пол.

И, что тут сказать, у него это получилось. Он умудрился сбить меня с ног, и мы вместе вывалились в тамбур: я приложился спиной и затылком, а он оказался на мне. Ситуация хуже некуда. Мы в узком пространстве тамбура, я на полу. Меня просто забьют ногами, когда подоспеют оставшиеся «правые». Чего, конечно, допустить нельзя. Бью кулаком в челюсть коротышке – тот уходит в легкую прострацию, чем я мгновенно пользуюсь и скидываю его с себя. Пинаю ногами, одновременно отползая спиной к открытому выходу.

В какой-то момент под руками не оказывается металлического пола – и... я лечу по ступеням вниз. Удар, еще один удар виском о землю – и, наконец, ночное небо перед глазами.

Что ж. Технически я вышел из вагона.

Это просто паранойя

В голове разносилась острая боль от приземления на щебень, а сердце билось в безумном ритме. Признаться, это была первая реальная драка в моей жизни. И случилась она из-за моей импульсивности.

Я приподнялся и посмотрел на дверь, из которой только что вылетел. В проеме никого не было видно: коротышка, судя по всему, еще не пришел в себя. По моим расчетам, из поезда должен был вылететь если уж не он, то кто-то другой из числа «правых». Или даже все вместе. Однако, судя по крикам женщины, прямо сейчас доносившихся из поезда, бритоголовому может быть немного не до меня. Возможно, угрозу представляет только коротышка, которому я порядочно настучал пяткой по лицу. Я решил не дожидаться, когда он придет в себя. Как говорил один мною уважаемый человек: «Если твое отступление способствует достижению цели больше, чем эскалация конфликта, – отступай».

Я поднялся, огляделся по сторонам – и не заметил ничего достойного внимания, кроме оврага за насыпью и покосившихся столбов вдоль железно дорожных полотен. Мы остановились посреди лесополосы, город сквозь деревья видно не было, но я будто нутром чувствовал: он где-то там, за кривыми, грязными рядами деревьев.

Прохладный воздух прояснил голову и прогнал помутнение. Я кинул взгляд на землю и рассмотрел ямки на щебне – должно быть, это следы проводника. Я решил пробежаться трусцой вдоль вагонов, изредка поглядывая назад.

Миновав три-четыре вагона, я убедился, что из поезда за мной никто не отправился – ни коротышка, ни вся компания «правых». Сперва понял, что можно расслабиться, а потом сменил бег на шаг. Хотели бы догнать, сразу бы бросились за мной. Видимо, посчитали разбитую морду шестерки (с уверенностью могу сказать, что коротышка явно не пользуется авторитетом среди них) недостаточной причиной покидать общество девиц. А может, парни просто боялись выходить наружу. Или вопящая женщина стала более актуальной темой, чем я. Плевать.

Несколько секунд я смотрел на состав, стараясь подметить что-нибудь необычное. Выглядел поезд вполне себе стандартно: в нем было около шести вагонов-близнецов серого цвета. Вагон, из которого я кубарем вылетел, выглядел слегка новее остальных. Все двери и окна были закрыты: либо их точно так же позакрывали проводники после сорванного стоп-крана, либо они были закрыты изначально. Во время посадки на поезд моя голова была забита совершенно другими вещами, так что я не обратил внимания на такую мелочь.

В какой-то момент боль в голове стала слишком уж раздражающей. Крови не было, но на виске пальцами нащупывалась большая шишка. С одной стороны меня как Пробужденного, такое ничтожное ранение не должно особо волновать; с другой – из меня так себе Пробужденный. Из-за атрибута «Уроборос» ауры давали двойной эффект, но требовали в два раза больше маны. Моего запаса хватало на поддержание только одной ауры за раз, увы.

А сейчас было бы неплохо активировать две ауры – малую регенерацию и пренебрежение болью: одна ускорит естественную регенерацию организма, излечит травму, хоть и не мгновенно, а другая ничего не вылечит, но временно отключит чувство боли. Поэтому передо мной стоял выбор: поскорее восстановиться, чтобы было легче потом, либо же убрать давящую на затылок боль, чтобы трезво воспринимать происходящее сейчас.

Меня очень соблазняла возможность включить «Пренебрежение», но я понимал, что пока не произошло ничего такого, что я не мог бы перетерпеть. Раздраженно выдохнув и осознав, что еще какое-то время придется проходить с гудящей головой, я активировал регенерацию.

Процесс наложения ауры для Пробужденных был чем-то практически инстинктивным. Разумеется, контроля над аурами у нас куда больше, чем над сердцебиением или дыханием, но иногда сложно почувствовать грань между мыслью об активации и началом самого процесса.

По телу разнеслось легкое пощипывание, я закатал рукава своей толстовки и убедился, что все работает. Рисунки целебного растения обволокли запястья; они отсвечивали зеленым и напоминали виноградную лозу. У каждой ауры был определенный стиль узоров, однако конкретные рисунки на каждом носителе были уникальны – подобно отпечаткам пальцев. Их количество, размеры, форма и местоположение зависели от многих факторов, например от силы носителя, мастерства владения, его возраста и даже настроения. Мне всегда нравилось наблюдать за тем, как по телу начинают расплзаться краски, словно живое тату. Жаль только, показывать их можно только членам своего клана, ведь это самый простой способ понять, что перед тобой Пробужденный, и узнать его силу.

Свечение угасло, и остались лишь рисунки – это говорило о том, что активация завершилась и запустился процесс регенерации. Стряхнув вниз рукава кофты, я двинулся дальше. Похоже, я достиг головы поезда.

Локомотив выглядел довольно странно. Массивная основа цилиндрической формы плавно переходила в острый, исполинских размеров нос, покрашенный красной краской. Выглядело все это дело довольно внушительно, особенно вблизи.

«Странное решение», – подумал я. – «Словно его отцепили от какого-то древнего поезда начала прошлого века и поместили таскать, может, и не самый новый, но уж никак не соответствующий ретро-стилистике первого вагона состав».

Схватившись рукой за поручень, я подтянулся вверх, на угольного цвета платформу, и принялся вглядываться внутрь. Пыльные окна мешали что-либо нормально рассмотреть – виднелись только смутные очертания каких-то рубильников и бесчисленных ручек. Подойдя к двери в кабину, я еще какое-то время пытался сформулировать, что хочу сказать команде поезда, но в итоге понял, что какие ни ищи слова, смягчить случившееся не получится.

Я сжал руку в кулак и громко постучал в дверь. Ничего не произошло. Постучал снова, но мне снова не ответили. Дежавю какое-то.

Я повернул ручку, морально готовясь к худшему. Надеюсь, это просто паранойя.

Внутри было довольно темно, у входа ничего не разглядеть, поэтому я пригнулся и направился вглубь кабины. Она была залита мерзким янтарным светом аварийной лампы, а запах стоял такой затхлый, что долго находиться там было невозможно. И не пришлось, так как в кабине было совершенно пусто.

В полумраке было тяжело найти какие-то зацепки, которые бы помогли мне в определении местоположения машиниста. Разве что дверь небольшого ржавеющего шкафчика с крючками для верхней одежды была распахнута настежь и неприятно поскрипывала. Внутри него было пусто. Я подошел к переднему окну и, уставившись на исчезающие вдаль рельсы, стал думать.

Возможно, машинист направился осматривать вагоны на предмет повреждений. Однако ни по пути сюда, ни до этого я не видел и не слышал ничего, что указывало бы на присутствие людей снаружи поезда. Следов борьбы в кабине тоже нет, как и проводника, который отправился сюда за машинистом. А значит, проводник все-таки мог сюда добраться и, забрав с собой машиниста, куда-то уйти. Но куда? Наверняка есть весомая причина, по которой мы до сих пор не поехали дальше. С другой стороны, машинист мог пропасть еще до встречи с проводником, но это бессмыслица какая-то. Надеюсь, что тут не замешан тот старик. Мало ли, может, он точит зуб на весь персонал поезда и вырезает всех по очереди.

Я оторвался от созерцания вида из кабины и почувствовал, что боль в затылке поутихла. Это хорошо. Скорее всего, придется вернуться в вагон к людям. Это плохо.

Честно говоря, мне не особо хотелось видиться с этими людьми снова, все-таки за первую короткую встречу я успел изрядно подпортить с ними отношения. Но какие у меня варианты? Сидеть в кабине и ждать возвращения персонала? Сомнительная перспектива.

К тому же в моем вагоне лежит труп, а потому лучше бы мне находиться рядом и контролировать ситуацию, чтобы никто особо любопытный не решил пробраться в вагон и не сделал поспешных выводов о личности убийцы. Однозначно нужно возвращаться.

Я выбрался из кабины и вдохнул полной грудью. И как они в ней целыми днями торчат? Я пробыл там несколько минут, а уже успел ощутить себя килькой в консервной банке.

Я сделал несколько шагов по платформе локомотива и глянул на небо: серо-бежевое месиво из облаков, солнца не видно. По какой-то причине мне казалось, что сам небосвод сейчас гораздо ниже, чем обычно; это, конечно, абсурдно, но вполне подходит под атмосферу окружающей обстановки. Я ухмыльнулся, ведь в детстве облака всегда виделись мне красивыми сгустками белой ваты, в которые очень сильно хотелось зарыться с головой. Я даже не мог себе представить, что они могут так сильно давить.

Я помотал головой, стряхивая лишние мысли, и осторожно спрыгнул на землю. На всякий случай решил обойти голову поезда и посмотреть, что происходит с обратной стороны состава. Обогнув красный нос локомотива, я обнаружил, что ничего не происходит: все тот же лес, все та же щебенка, все то же отсутствие ответов хотя бы на один из вопросов, которые меня волновали. Разочарованно вздохнув, я отправился обратно, теперь уже по своим следам.

По мере приближения к нужному тамбуру меня все больше начинала смущать мертвая тишина в остальных вагонах. Неужели это настолько непопулярный маршрут, что на весь поезд набрался десяток человек, не считая персонала? А если люди в остальных вагонах все-таки были, то почему никто не пытается выбраться, поднять занавески? Просто пустота. Зайти внутрь и проверить я тоже не могу: все входы закрыты, а пытаться раздвинуть дверь, заблокированную воздушным замком, – та еще глупость.

Не дойдя пару метров до нужного вагона, я услышал знакомые вопли истеричной женщины и удивился, что ее до сих пор не успокоили.

– Нам нужно срочно запереть все двери! – кричала она. – Сейчас же! Закрывайте и остальные!

Сколько уже прошло времени, а она все кричит? У нее как минимум истерика, возможно, даже паника.

– Да зачем? – ответил ей кто-то пацанским голосом (судя по всему, коротышка). – Все ж и так тихо. К тому же вот-вот может вернуться проводник вместе с той мразью...

А, это он обо мне. Ну конечно, мразь. Может, не стоит хватать незнакомых людей за руки, не имея для того ни оснований, ни полномочий, чтобы потом не получать в бубен, а, умник?

Рукой схватившись за поручень, я запрыгнул на ступеньки и прошел в тамбур. Дверь в вагон оказалась закрыта. Я дернул за ручку несколько раз и громко постучал по двери, но из-за воплей женщины мой стук в дверь никто не заметил. Пришлось кричать через дверь:

– Это я, и у меня плохие новости! Открывайте!

Крики за дверью резко прекратились, но лишь на долю секунды.

– ААААААА! Пришел! Не смейте, не смейте его пускать! – о дверь что-то ударило.

Думаю, женщина навалилась на нее всем своим весом, несмотря на закрытый замок.

– Все в порядке, успокойтесь. Я просто сходил в туалет, а заодно заглянул в кабину к машинисту. Не нужно кричать без толку, – я попытался вразумить женщину.

– Я не знаю, кто ты или что ты, но меня не обманешь. Уходи! – ее слова начали повторяться. Мне показалось, что она уже сама не понимает, к чему эта истерика.

– Хорошо, просто подумайте. Я вышел на улицу, стал каким-то «не таким», хочу здесь всех сожрать, судя по вашим словам. Стал монстром, да?

– Не пудри мне мозги, тварь! – с одышкой выкрикнула мне женщина.

– Во-первых, какие монстры стучатся в двери, перед тем как устроить кровавый ужин? А во-вторых, будь я действительно чудищем, вас бы сожрал первой! Эй! Впустите меня наконец кто-нибудь!

– Я-я!.. – она запнулась.

В этот момент за дверью раздались громкие шаги – видимо, не один я был сыт по горло ее истериками.

– Да какой с этого лоха монстр? Мать, отойди от двери, – я сразу узнал голос коротышки. Забавно, что именно он первым встал на мою сторону.

Истеричка попыталась вставить еще несколько фраз, но коротышке каким-то образом удалось сдвинуть ее с места и открыть замок на двери.

Дверь открылась, но женщина мигом преградила мне путь. На ее лице было недоумение. Видимо, она ожидала, что я вернусь с парой аксессуаров в виде рогов и копыт, ну или горящего трезубца, но увы, обрадовать ее мне было нечем.

– Ну вот, видите? Не монстр, – я ухмыльнулся и глянул на коротышку.

И почему он решил меня впустить? По пути сюда я был несколько озадачен, как мне войти в вагон и с ходу не получить по лицу, однако к моему возвращению пыл парня успел подостыть.

– Меня тошнит от того, что приходится здесь торчать, – быстро выпалил коротышка, словно оправдываясь за то, что помогает мне. – А когда орут под ухо, то становится еще хуже.

Я заметил, что обе девушки снова сидели рядом с бритоголовым. Наверное, если бы не мое вторжение, то они так бы и продолжили смеяться над его простецкими шутками, параллельно игнорируя потуги коротышки наладить контакт. Похоже, стычка в тамбуре сегодня была не единственным боем, в котором парень не сумел одержать верх.

Женщина снова хотела мне что-то сказать, но, не найдя подходящих слов в своем, без сомнения, большом арсенале, лишь злобно смотрела на меня. Остальные пассажиры в недоумении наблюдали за происходящим. Блондинка сидела с поднятым вверх телефоном и снимала женщину на камеру – наверное, чтобы потом скинуть в какой-нибудь местный новостной паблик в одном из мессенджеров. Или просто переслать кому-то из друзей.

Осознав, что само собой ничего не решится, бритоголовый нехотя поднялся с места и подошел к нам. Несколько лениво окинув меня с женщиной взглядом, он выдохнул.

– Вы здесь уже всех достали. Впустите его и хватит орать, ей-богу.

Да, все-таки он негласный лидер троицы «правых», который преследовал лишь свои интересы. Он однозначно заинтересовался девушками, на остальное обращал внимание нехотя. Выглядел заносчиво и самоуверенно. Но уверенность его явно не была такой натянутой, как у коротышки, что шумел больше всех. Он скорее напоминал матерого решалу.

Женщина снова попыталась что-то возразить, но с такой истеричной подачей достучаться до людей было сложно. Все предостережения этой женщины уже никто не слушал.

– Как же мне надоел этот цирк, – прорычал лидер. – Свали отсюда! Парни, оттащите ее от двери!

Он единственный из троицы, кто позволил себе к ней так обращаться.

Бритоголовый силой отодвинул истеричку от двери, к коротышке быстро присоединился его молчаливый друг, с которым они вдвоем схватили женщину под руки и начали оттащить в противоположный тамбур. Не сказать, что задача была из легких, так как та постоянно кричала, пыталась вырваться и исцарапать лицо коротышке с уже и без того подбитым глазом после нашей стычки. Недаром говорят, что у душевнобольных сила растет пропорционально безумию.

Когда женщина и ее ор заметно удалились, бритоголовый ухмыльнулся и жестом пригласил меня внутрь.

– Как голова, путешественник? – меня смутило его хорошее расположение духа, учитывая произошедшее.

– Замечательно. Но у нас есть проблема, – быстро кинул я, проходя в вагон.

Словно под светом софитов, под взглядами испуганных пассажиров и одного полоумного деда я принялся объяснять всем, что произошло.

– Я был в кабине: там никого. Проводника тоже след простыл. В других вагонах тишина. Чую, мы здесь застряли. Нужно что-то делать, – я пытался звучать достаточно убедительно, чтобы немного исправить свою репутацию источника проблем.

Горящие билеты

Лидер выслушал меня внимательно, не перебивая, в конце кивнул. И даже открыл рот, чтобы что-то сказать, но его перебили.

– В смысле застряли?! – раздалось возмущение блондинки, от которого мы с лидером скривились. – Я и так опаздываю! Нужно позвонить куда-то! У меня сегодня фотосессия, что за бред!

Блондинка так возмущалась, словно у нее одной на весь поезд были какие-то дела в столице, а мы создаем проблемы, а не пытаемся их решить.

– Ты че, совсем дура? – лидер заметно устал выслушивать визги всяких дамочек. – Какого черта ты нам эти предъявы кидаешь? Или ты думаешь, мы можем на что-то повлиять или хотя бы знаем причину остановки?

А парень-то предпочел флирту с блондой здоровые нервные клетки. Я чуть было не поперхнулся от неожиданности.

Однако кое в чем она была права. Пора кого-то сюда вызвать.

Я привычным движением похлопал себя по карманам в поисках телефона, но, разумеется, его там не было. Знал, что пожалею о выброшенном мобильнике, но не думал, что так скоро.

Значит, нужна помощь зала.

– Так позвоните, чего нить? – обратился я к блондинке, в руках которой красовался дорогой телефон последней модели. Она несколько секунд глупо таращилась на меня, а потом жестом разблокировала экран и набрала три цифры.

– У меня нет сети, – произнесла это, она ткнула экраном мне прямо в лицо. – Умник.

– У всех так? – проигнорировав ее выпад, я глянул на бритоголового и брюнетку.

– Нет сети, – тихо произнесла девушка.

– Та же херня, – заключил «правый».

Наверное, этого и следовало ожидать, учитывая мои знания про этот город. Можно предположить, что телефонные вышки здесь больше не обслуживаются, а восстанавливать их никто не сунулся, да и, наверное, это уже было ни к чему.

– Нужно что-то делать. Сами мы отсюда не выберемся, и вообще все это уже начинает походить на какой-то тупой розыгрыш! – брюнетка была ощутимо раздражена.

– Ну и куда мы сунемся без связи? А если этот, – лидер указал на меня пальцем, – говорит правду, то у нас даже машиниста теперь нет.

– А что насчет остальных пассажиров? – вопрошающе посмотрела на меня брюнетка.

– Да, точно! Ты же ходил на улицу! Что в других вагонах? – присоединилась к ней подруга.

– Эм, ну...

Я вспомнил подозрительно тихие ряды окон и глянул на присутствующих.

– Они притихли, – я не сразу понял, как нелепо это прозвучало.

– В смысле притихли? Мы, по-твоему, где находимся сейчас, а? – приподняв бровь спросил у меня бритоголовый.

– Я понятия не имею, что там творится, но все закрыто, а на улице никого нет, – я ощутил себя так, словно оправдывался, хоть и говорил чистую правду.

Я не знал, что еще добавить, и посмотрел на дверь между вагонами.

– Дверь же закрыта, сам знаешь, – бросил «правый».

– Но должно же там хоть что-то происходить? – спросила брюнетка.

– Хм... должно... – я на секунду задумался и зашагал в тамбур.

Я подумал о том, что можно было бы попробовать пробраться в другие вагоны через улицу, однако быстро отбросил этот вариант. Все наружные двери вагонов были закрыты, а локомотив такой бородатый, что не имел прохода в другие вагоны. Брюнетка была права: не могли же люди там просто сидеть и молчать, верно? Почему никто не попытался выйти, почему никто не попытался постучаться в наш вагон?

Войдя в тамбур, я присел, приложил ухо к двери, которая ведет в следующий вагон, и стал вслушиваться. Состав был относительно новый, поэтому расстояние между вагонами было минимальным, что немного обнадеживало.

Сначала меня встретила только тишина. Я не знал, хороший это знак или плохой, но решил послушать еще немного. Я буквально чувствовал, как пассажиры моего вагона прожигали мне спину взглядами в ожидании новостей, но пока что не мог их ничем обрадовать. Решив, что затея гиблая, я начал подниматься с колена, но вдруг раздался звук.

Едва различимое шорканье по металлической поверхности – по всей видимости, из дальней части вагона.

– Там кто-то есть, кажется, – я повернул голову и сообщил об услышанном попутчикам.

В этот момент блондинка сорвалась с места и, толкнув бритоголового, а затем чуть не сбив с ног меня, начала тарабанить в дверь.

– Эй! Вы там! Вызовите кого-нибудь! – удары по железной двери эхом раздавались по вагону, напоминая мне о не до конца прошедшей головной боли после падения.

Я поднялся и аккуратно подвинул девушку в сторону.

– Да тише ты.

– Руки убрал от меня, козел!

Она демонстративно отошла от меня и двери на пару шагов назад, словно я какой-то извращенец.

Звуки за дверью снова пропали, и я приложил палец к губам, взглядом показывая всем заткнуться. Подруга блонды с бритоголовым переглянулись, да и до самой модели дошло, что что-то здесь не так.

И тут с обратной стороны двери раздался громкий удар.

На моем лице застыла гримаса испуга, однако в тот момент мне было все равно. Все наблюдавшие за мной дернулись от неожиданности.

За ударом последовал непонятный тихий звук, отдаленно напоминающий перешептывание. Но если там есть люди, то почему нам никто не ответил?

Воображение начало играть на полную мощь. Мы с блондинкой переглянулись и в страхе попятились обратно в вагон.

– Это что было? – дрожащим писклявым голосом произнесла девушка, схватив меня за плечо.

– Да я откуда знаю?! – возможно, несколько грубо наорал я на нее и освободил плечо.

Связи нет, персонала нет, за дверью непонятно что. Я начал лихорадочно размышлять о том, что же делать дальше.

– Д-да что здесь вообще... – брюнетка вцепилась руками в спинку сидения и растерянно смотрела то на меня, то на «правого».

– Все в порядке, нас не могут здесь просто так оставить! Хотя... – бритоголовый запнулся. – Мне тоже все это не нравится.

– А-ха-ха-ха-ха! Ну, молодежь! – одноногий вышел из своей спячки и задорно смеялся над происходящим, словно над каким-то старым анекдотом.

– Что смешного? – раздраженно бросил я.

– Бегаете туда-сюда, кричите, ха-ха! А звезды-то уже все за вас решили, ха-ха!

Я повернулся в сторону старика и собирался обрушить на него поток брани, ведь последнее, что хотелось слышать в такой ситуации, это старческий маразм, но...

– Звезды! – я ударил себя ладонью по лбу. – У меня ведь спутниковый телефон! – я произнес это так, словно открыл какой-нибудь новый химический элемент.

– Отлично, ну и почему ты до сих пор никуда не позвонил с него? – брюнетка привстала со своего места и укоризненно посмотрела на меня.

– Ну, есть одна проблемка. Он выпал из окна.

– Что? Как? – она продолжала давить на меня.

– Я... хотел сделать фото города, высунул его в окно... В общем, не удержал – и он выпал.

Я по-прежнему не хотел рассказывать о трупке и безумной паре стариков из моего вагона. Держал пальцы крестиком, чтоб никто не вспомнил и не спросил про вагон, из которого я пришел.

Я принялся размышлять и решил, что силосная башня, возле которой я выбросил свой телефон, не может находиться так уж далеко. Прошло от силы минут пять с того момента, как я выбросил мобильник в окно и до того, как старик дернул стоп-кран. Поезд двигался не очень быстро; я прикинул, что телефон должен лежать где-то в 6–7 километрах от того клятого места, где мы застряли.

Немного подумав, я произнес:

– Мне кажется, я примерно знаю, где валяется телефон, но один туда не сунусь. Мало того, что стремно, так еще и на поиски телефона может уйти несколько часов. Если вы хотите отсюда выбраться, кто-то должен пойти со мной.

– Я никуда не пойду! – воскликнула блондинка.

– А на тебя я и не рассчитывал, – бросил я ей и повернулся к бритоголовому. – Я это парням предлагаю.

Во-первых, потому что с «правыми» у меня хотя бы будет шанс от кого-то отбиться в случае чего, а во-вторых, я бы не доверил этой блондинке даже шнурки на своих кроссовках, не говоря уже о своей спине.

– Тебя, кстати, как зовут? – спросил я бритоголового. Как-никак уже по делу говорим, и на «Эй, ты» и «Тот придурок» неудобно друг к другу обращаться.

– Макс. Что ты предлагаешь? – ответил мне лидер.

– Я Марк. Мы почти что тезки, – ответил я, натянуто улыбнувшись. – Мне нужно, чтобы кто-то из вас пошел со мной.

– Вы хотите бросить нас тут одних?! – мне в ухо прилетел звуковой удар – возмущенный визг блондинки.

Я скривился.

– Нет. Кто-то пойдет со мной, кто-то останется. Может, есть доброволец?

Макс осмотрел ребят, что-то прикинул и наконец ответил:

– Его бери, – он указал на коротышку в конце вагона. Они там все еще успокаивали истеричку.

Что ж, вполне логично, что лидер решил остаться, как-никак тут его «длинноногие интересы», которые он будет охранять и окучивать. Наверное, одну он оставит себе, ко второй позволит подкатить тому, молчаливому, а вот коротышку решил обделить. Видимо, тот совсем уж шестерка. Так себе союзник.

Я пытался успокоить себя тем, что если эта местность – нечто большее, чем просто опустошенный город, то мой атрибут, который не позволяет мне быть проклятым, сильно поможет.

И, конечно, я блефовал по поводу того, что никуда не пойду один. Даже если бы никто не согласился ко мне присоединиться в походе за телефоном, других вариантов свалить отсюда у меня бы не осталось. Так или иначе, придется возвращаться к башне, но куда спокойнее мне будет сделать это в компании кого-то еще.

Макс сложил пальцы у рта и громко свистнул:

– Пацаны! Где вас черти носят?

Прошло где-то полминуты – и к нам ввалились замученный коротышка и его молчаливый друг.

– В следующий раз полоумными бабами занимаешься ты, – устало заключил коротышка и зашагал к нам, пока его друг присел на свободное место перевести дух. Сама женщина осталась стоять в тамбуре и едва различимо орала что-то через дверь.

– Этот черт снова на проблемы нарывается? – низкорослый друг Макса посмотрел на меня из-под бровей.

– Можно и так сказать. Говорит, мол, у него мобила навороченная, хоть до Господа Бога дозвониться может. Да вот незадача: он ее в окно выронил недалеко отсюда, представляешь. Просит, чтобы кто-то с ним сходил, – Макс пересказывал мои слова в довольно саркастическом тоне, что не помогало расположить к себе кандидатов на вылазку непонятно куда. – Я уже выбрал, кто из вас пойдет, но, может, кто-то из вас сам вызовется?

Удивительно, но в этот момент истеричка в дальнем конце вагона каким-то образом смогла открыть дверь и уже привычно начала визжать.

Мы с парнями переглянулись. В таком контексте предложение выйти наружу стало выглядеть скорее спасением, чем опасной миссией.

Коротышка глянул на меня, потом на Макса, выдохнул и произнес удивительную фразу:

– Меня это все уже достало. Лучше я пойду с тобой, черт проклятый, чем останусь здесь и продолжу выслушивать крики истерички и нытье этой дуры, – он жестом головы указал на блондинку.

– Вот и хорошо! – заржал Макс, косясь на блондинку, глупо хлопающую ртом. – Потому что пошел бы в любом случае!

Коротышка недовольно посмотрел на лидера и на секунду завис, размышляя над ответом, но не стал перечить. Затем он перевел взгляд на меня и спросил:

– И че, где мобила, говоришь?

– Около силосной башни, которую мы проезжали. Я уронил ее буквально минут за пять до остановки. Ходьбы от силы час, но я не уверен, что смогу проделать эту дорогу один. И тем более я вряд ли смогу найти телефон в одиночку.

– Ха, – коротышка потрогал свой фингал и ухмыльнулся. – Ладно, допустим, я впишусь в эту затею.

Возможно, так он пытался сохранить свое лицо, показать, что не лидер заставил его идти, а он сам решился.

Я был не уверен в надежности такого спутника, однако выбирать не приходилось. Мы вывалились из вагона минут через пять, в течение которых коротышка объяснял друзьям свое решение отправиться со мной за телефоном. Выглядело это довольно жалко. В это время я размышлял, не ошибся ли в подсчете времени и места, где выбросил телефон из окна. Более-менее убедив себя в том, что ошибся не более, чем на пару километров (возможно, даже в меньшую сторону, что не так уж страшно), я наконец вышел в тамбур и принялся ждать своего внезапного спутника.

Он появился в дверях и молча спустился вниз. Я пожал плечами и пошел следом за ним.

На улице было никак – ни холодно, ни жарко. В других обстоятельствах я бы обрадовался такой погоде, однако сейчас мне это показалось странным, словно вместе с окрестностями погибла и природа во всех своих проявлениях. Все казалось выцветшим.

Пройдя с километр в тишине и окружении мертвых деревьев, я решил нарушить наше обоюдное молчание.

– Забавно это все, – я шмыгнул носом и иронично улыбнулся.

– А? Чего? – парень резко повернул голову в мою сторону. Он явно не ожидал, что я заговорю первым, и думал о чем-то своем.

– Всю жизнь хотел уехать из своего города, а когда наконец-то решился, все равно приходится идти в его сторону, да еще и с тем, кто пять минут назад мне бил лицо.

– А нехер было напрашиваться, – мудро заключил коротышка.

– Ну, если бы не я, мы до сих пор бы все сидели и ждали чуда, смекаешь? – нужно было как-то оправдать тот факт, что я получил в бубен просто затем, чтобы сходить к локомотиву и вернуться ни с чем.

– Допустим, но мы еще не нашли твою мобилу, чтобы ты из себя спасителя строил.

– Скоро найдем, не переживай, – произнес я больше для себя, чем для коротышки.

– Как скажешь. И надо было нам попереться на съезд именно на поезде... – я глянул на коротышку непонимающим взглядом. – Горящие билеты в люксовый вагон, говорит, будем как цари ехать. Ну да, конечно.

– Горящие билеты? – я не до конца понял, что он имеет в виду.

– Ну в этом поезде обычно нет люкс-вагонов. А тут прицепили, перегнать, может, надо было, не знаю. И билеты по дешевке буквально за три часа до отправления начали продавать. Мы с пацанами, конечно, опаздывали, но не так чтобы сильно, а тут, вишь, Треплу шика захотелось, эстет вшивый, чтоб его...

Теперь прояснилось сразу два момента: откуда гопари взяли деньги на вагон такого класса и как называют молчаливого парня. «Трепло», ха-ха. Не могу сказать, что ожидал от этих людей чего-то большего.

Чем дальше мы шли, тем сильнее меня мучали сомнения по поводу телефона.

Во-первых, он легко мог разбиться при падении. Разумеется, у меня был надежный спутниковый телефон в горном противоударном чехле, однако скорость поезда легко могла победить смелые заявления рекламщиков чехла. Во-вторых, мы элементарно можем его не найти, ведь мой ориентир «рядом с силосной башней» явно не мог похвастаться точностью. Конечно, все тот же чехол был ядовито-оранжевого цвета, о предназначении которого я не задумывался ровно до этого момента. Но, видимо, я не первый, кто потерял свой телефон среди серой каменной насыпи, и такой цвет как нельзя кстати подходит для его обнаружения.

В очередной раз обнадежив себя, я зашагал чуточку резвее, и тут уже коротышка завел разговор:

– Тихо здесь... Не люблю я такое.

– Как будто все во времени застыло, – согласился я.

– Меня в детстве часто пугали: «Никита, не будешь слушаться, отвезем тебя в серый город, и будешь там один совсем», – коротышка, которого, как оказалось, зовут Никита, странно ухмыльнулся. – По ходу надо было слушаться.

По какой-то причине мне это показалось забавным, и я засмеялся себе под нос.

Коротышка глянул на меня и принялся хохотать в ответ. Куда громче и дольше, чем того стоила шутка. Спустя какое-то время он все-таки умолк и шел дальше, почти не смотря в мою сторону, словно и не смеялся вовсе. На мгновение мне даже стало несколько жутковато.

Коротышка (или, как я выяснил, Никита) был одет под стать своим друзьям: зауженные снизу штаны с большими боковыми карманами, цветастые кроссовки на бросающейся в глаза высокой платформе (значит, он еще ниже); короткая черная куртка с парой ярких нашивок, очень похожих друг на друга (на всех был изображен кулак на красном фоне в разных вариациях), и серебряная цепь на шее, уходящая куда-то под футболку.

В какой-то момент я успокоился, поняв, что угрозы он не представляет, и просто зашагал вперед, греясь мыслями о том, как доберусь до своего будущего тестя и выложу все карты ему на стол. Остановка поезда помогла мне отвлечься от нервозности, которую я испытывал во время поездки, но где-то в глубине я все так же переживал по поводу плана с отменой предстоящей свадьбы. Ладно, плевать. Пока что нужно идти за телефоном, а там разберемся.

Мы шли уже около часа, когда деревья на горизонте начали редеть – и вдалеке показался конец лесопосадки. Возможно, мы даже увидим город.

Оранжевый чехол

– Смотри, – неожиданно одернул меня коротышка, указывая куда-то вперед. – Это твой ориентир?

Я всмотрелся вдаль.

– Нет, – хмуро ответил я ему. – Это просто дерево. Дуб. Каким боком это может быть похоже на силосную башню?

На этом коротышка ненадолго умолк. Слишком ненадолго.

– Тогда, может быть, это? – на этот раз он показывал уже на проржавевшую трансформаторную будку. Честно, хотелось его ударить.

– Я тебе еще раз повторяю, ориентир – силосная башня недалеко от въезда в этот лес, или через что мы сейчас вообще шли. Что непонятного?

Мне начинало казаться, что с каждой минутой коротышка становился все более невыносимым. Как будто он специально меня доставал, изображая идиота. Вот только посмотришь на него, а там на лице чистое и искреннее удивление пополам с непониманием.

«Может, ему просто скучно?» – предположил я. Но кто борется со скукой, задавая тупые вопросы?

А затем до меня дошло: он просто не знает, что такое силосная башня! А спросить, видимо, гордость не позволяет. Или он реально дурак.

– Прошу, соберись, – обратился к нему я. – Ты последние пять минут как будто совсем с головой дружить перестал.

Коротышка пронзительно посмотрел на меня, задумавшись. Затем мне показалось, что я услышал щелчок – и он встряхнул головой.

– Так, действительно, чего это я? – на мгновение он стал выглядеть более серьезным. – Просто никак сосредоточиться не могу. Мысли в кучу собрать и все такое. Понимаешь?

– Понимаю, – ответил я. Забывчивость напала, значит. Рассеянность. Это что-то знакомое.

– У тебя такого нет? – спросил он меня.

Я покачал головой. Нет, и я догадывался, почему. Тот факт, что я мыслю трезво, легко объясняется моим прекрасным атрибутом. Никакие дебаффы³ на меня не лягут, пока я сам не наложу их, а значит, негативное излучение города (или что там) отскакивает от меня, как от стены горох.

После очередного вопроса не в тему я все-таки не выдержал:

– Давай так, мы просто идем, молча. Без лишних вопросов. Я сам скажу, когда мы дойдем до похожего места. Сам, окей?

Коротышка вроде бы согласился, но его молчания хватило ровно на пять минут. Как будто он забыл, что я ему только что говорил.

Впрочем, я нашел один плюс: идти ночью – пусть и яркой лунной ночью – через промзону мертвого города страшно, но если ты идешь с идиотом, то хотя бы знаешь, кого убьют первым. Цинично, зато на душе как-то немного спокойнее становится.

– Так откуда ты родом? – неожиданно задал он неловкий вопрос, на который я, естественно, не собирался отвечать.

Но он и не ждал ответа:

³ Дебафф (компьютерный сленг, от англ. *buff* – «положительный эффект») – любое негативное воздействие на персонажа или игрока, отличное от прямого нанесения урона. Дебафф накладывают на противников, чтобы снизить защиту, атаку или другие характеристики. Отсюда глагол «дебаффнуть».

– А я вот из столицы. Хотя, знаешь, столица разная бывает. Все приезжают, делают сотню фоток возле памятника Императору, гуляют по модным бутикам и уезжают хвастаться, что прикоснулись к сердцу нашей родины. Чушь все это. Столица – она в трущобах.

Я вопросительно приподнял бровь.

– Там, где мы с пацанами выросли и куда даже армия без особого повода боится сунуться, – на это я лишь хмыкнул про себя. – Где банды сами назначают комендантские часы, чтобы им никто не мешал своими делами заниматься. Вот в них и цветет столичная жизнь, и каждый вверх хочет вырваться. Ну, кто как умеет, сам понимаешь...

Коротышка печально выдохнул и пнул щебень под ногами.

– Вот ты что-то там в поезде вякал, а если бы не Макс и все наше движение, то мы с Треплом сейчас бы либо дохлые в канаве валялись, либо в тюрьме в карты играли, как половина нашего двора. И непонятно еще, что хуже.

Я молчал, не отвечая.

– Он ведь вытащил нас, Макс. Они с пацанами рейд проводили на аптеку, где рецепт от доктора заменяла пачка бумаг потолще, а мы с Треплом тогда, ну... решили подработать, денег ведь совсем не было. Хлеб на завтрак, вода на обед, а на ужин мечты о том, чтобы внезапно оказаться Пробужденным. А нам по 16, и всю жизнь мы видели, как эти мрази из банд то и дело в крутых кроссовках и на дорогих тачках по району разъезжают. Того же захотели, вот и устроились охранниками к барыге тамошнему, все равно других путей в этой жизни мы тогда не видели. А их брату плевать, кому сколько лет. Торчков, канючащих дозу, битой отметелить можешь? Ну, значит, собеседование прошел.

Коротышка покачал головой.

– Когда пацаны ворвались крушить аптеку в первый же день подработки, мы с Треплом биты побросали и просто в угол забились, от страха дрожали. Совсем зеленые были, потому нас и не пришибли на месте, как доброго дядю-фармацевта. Тогда Макс нас заметил и решил объяснить, что к чему. Дурь повыбивал, новые дороги показал.

Он замолчал и какое-то время шел, уставившись себе под ноги, явно освежая в памяти свое прошлое.

Я не знал, что ответить на эту тираду, и тоже решил промолчать. Мне давно уже не 10 лет, и я понимаю, что проблемы познаются в сравнении. Однако я никогда особо не задумывался, что не со мной одной жизнь обошлась несправедливо. Разница между нами в том, что я переживал свои неудачи в роскошном дворце, а не в тесной однушке посреди гетто.

Коротышка еще что-то говорил, но я его не слушал, выискивая глазами ориентир.

– погоди, – я резко поднял руку. – Кажется, мы пришли.

Где-то там валяется мой телефон, а вместе с ним и билет из этой дыры. Но что-то мне подсказывает, что я недооценил масштабы территории, на которой потенциально может валяться мобильник. Уже издалека были видны многочисленные кусты и насыпи из песка, окружающие серую башню с дырявой крышей багрового цвета.

Что ж, нас ждут очень нелегкие поиски.

– О, вот это точно оно! – радостно вскрикнул Никита.

– Не слишком похоже на дуб, верно? – я укоризненно глянул на него.

– Да отстань ты со своим дубом, – он отмахнулся от меня рукой.

Остаток пути мы преодолели очень быстро: когда видишь цель перед глазами, ноги словно сами несут тебя к ней.

Подойдя поближе, я окинул взглядом эту мрачную постройку размером с двухэтажный дом. Судя по всему, сельское хозяйство в этом районе погибло еще раньше, чем весь остальной город. Навскидку я бы сказал, что никакой силос для хранения сюда не загружали уже лет 20. Лестницы и ступеньки, ведущие наверх, безнадежно проржавели, а доски, из которых состояла круглая основа башни, в некоторых местах прогнили до черноты. Под густым слоем выцвет-

шей травы все еще можно было разглядеть то, что раньше было дорогой, ведущей к полям и, надо полагать, в город. Однако ей никто не пользовался примерно с тех же пор, что и самым хранилищем всяких обрубков и корма для скота.

О том, что время в этом месте не остановилось, свидетельствовали только безвкусные и уже потерявшие цвет тэги, нарисованные баллончиком. Иногда мне кажется, что омерзительного вида граффити на всяких заброшенных постройках начинают появляться сами собой, даже без участия людей. Иначе я не могу объяснить их наличие абсолютно в любой точке планеты. Черт, да найди мы какой-нибудь недостроенный дом на дне Марианской впадины, уже через сутки на нем бы красовалось гордое имя непризнанного уличного художника!

Ладно, фиг с ним. Нужно найти телефон. Я повернулся к коротышке.

– Никита, я не скажу точное место, но телефон должен быть где-то рядом. На нем яркий оранжевый чехол, так что советую смотреть в оба.

– Ща найдем! – он подмигнул мне и немного ускорился, активно разглядывая почву около башни.

– Он мог запасть между кам... – парень меня уже не слушал, а лишь расхаживал туда-сюда, согнувшись, как индюк.

Настроение коротышки вертелось, как флюгер на ветру, и мне оставалось лишь надеяться, что его крыша не начнет течь еще сильнее под воздействием города. В таком случае придется что-то предпринимать. Вот только хотел бы я знать, что именно.

Впрочем, я решил, что хватит мне прохлаждаться, и тоже принял позу индюка, чтобы поскорее найти этот дурацкий мобильник.

Спустя час безрезультатных поисков руки начали опускаться, и мы с Никитой присели на первую ступеньку лестницы, ведущей к вершине башни.

– Засада... – от энергичного коротышки, который час назад принялся переворачивать каждый валун возле этой башни, не осталось и следа, и теперь он просто лениво ковырял ногой землю, изредка поглядывая по сторонам.

– Он должен быть здесь. Я точно помню, – хоть Никита меня ни в чем и не обвинял, я произнес это, словно оправдываясь.

За час мы перерыли вообще все, что могли. Каждый куст, каждая подозрительная горка песка или щебня были пристально осмотрены на предмет наличия телефона, но мы не нашли ничего, кроме редких оберток от еды, бычков и прочего хлама, который люди выбрасывали из окон проезжающих мимо поездов и электричек. Ну не мог же телефон просто испариться?

Я чуть было не открыл рот, чтобы предложить коротышке забросить наши поиски или попытать счастья чуть дальше по дороге, как вдруг произошло нечто удивительное. Раздалась знакомая мелодия: музыка из заставки к одному старому сериалу, которая уже несколько лет стояла у меня на звонке.

Я буквально подскочил со своего места в попытке понять, откуда исходит звук. Похоже, со стороны железнодорожных путей. По мере приближения к рельсам звук становился все громче. Примерно поняв, где именно находится его источник, я упал на колени и принялся разгребать руками щебенку. Прокопавшись где-то секунд 10, я был сбит с толку, так как телефон звонил прямо передо мной, но я нигде не мог его найти.

Я быстро осмотрелся по сторонам и заметил, что ближайший ко мне рельс был слегка прогнувшимся. Разобрав камни, я увидел образовавшуюся под рельсом выемку. Видимо, от дрожи поезда телефон скатился под нее вместе с камнями. Моментально просунув в нее руку, я нащупал предмет со знакомыми формами и поспешил вытащить его.

Телефон почти не пострадал: экран разбился не сильнее, чем от обычного падения со стола на пол, и только многочисленные царапины и ссадины на оранжевом чехле говорили о том, что пару часов назад мобильник вылетел из движущегося на полной скорости поезда.

Я глянул на экран. Номер скрыт.

Если честно, мне стало дико любопытно, кто может мне звонить в такой момент, причем анонимно. Люди отца? Да бросьте, вряд ли они стали бы скрывать номер.

Прошло всего несколько секунд размышлений, которых оказалось достаточно, чтобы закончилось время вызова. Он высветился как непринятый. Я успел почувствовать лишь легкую досаду, прежде чем телефон снова зазвонил.

На экране было все то же: «Номер скрыт».

Так, а это кто-то настойчивый. Сбросить или взять? Любопытство – враг мой.

Я провел пальцем по зеленой кнопке принятия вызова.

– Алло? – с сомнением произнес я.

– Эм, привет, – на том конце раздался голос... девушки?

– Кто это? – я восторженно удивился, догадываясь, кто это может быть.

– Э-элиза, – она произнесла это с опаской, словно я могу не вспомнить свою собственную невесту. Впрочем, если учесть, что последний раз мы виделись восемь лет назад, это было бы неудивительно. – Ты написал мне сегодня.

– Написал, – по какой-то причине я не мог выдавить из себя ничего вразумительного.

– Написал, что едешь. Куда ты едешь и зачем?

– Я... – в этот момент до меня дошло, – вероятно, уже никуда.

– А мне зачем написал, я не понимаю?..

У меня не было ни времени, ни желания разговаривать сейчас с ней. Ладно, признаюсь: я просто не знал, что ей сказать! Я слишком нервничал, вот и бросил трубку. Затем я посмотрел на экран, в углу которого красовалась пиктограмма спутника, раздающего связь. Ну конечно.

Я стиснул зубы и сел на землю под недоумевающим взглядом коротышки.

Дело в том, что мой телефон в спутниковом режиме был привязан непосредственно к спутниковой сети нашего клана. В таком случае все звонки на экстренные номера будут переадресованы на службу безопасности отца – стандартная практика среди больших кланов. Это позволяет мне всегда быть в приоритете: что бы со мной ни произошло, я могу получить необходимую помощь куда быстрее, чем при использовании общих служб безопасности.

В то же время это значило, что за мной придут люди отца, а не простые спасатели, и я не смогу продолжить свой путь в столицу. Меня тут же упакуют и вернут домой. Даже если я оставлю телефон людям и попробую сбежать еще раз, меня почти стопроцентно ожидает провал. Ведь одно дело, когда есть фора, и совершенно другое, когда тебя намеренно ищут. Да это даже представить смешно: я бреду в столицу на своих двоих, а за мной по пятам – люди отца, прочесывающие все вдоль и поперек.

А затем я гордо являюсь в столицу: грязный и немывтый, заросший и три дня ничего не жвавший, как бомж из подворотни. И разрываю помолвку! Да отец просто скажет всем, что я умом тронулся, и будет недалеко от истины.

Мне не хотелось, чтобы все закончилось именно так, на полпути к цели, но иной альтернативы я не видел. Ни мне, ни пассажирам, которые уже энный час сидят абсолютно одни и безо всяких новостей, не выбраться отсюда без помощи извне.

– Ты, может, позвонишь уже куда-нибудь наконец? – коротышка навис надо мной, не понимая, почему я до сих пор не разговариваю со спасателями.

– Да, конечно, – ответил я отстраненно.

Мои пальцы набрали нужные цифры. Всего один звонок нужным людям может спасти нас всех. А не звонить просто из-за нежелания жениться – это скотство по отношению к пассажирам, которые застряли в поезде.

Я нажал кнопку вызова и услышал всего один гудок – настолько быстро приняли звонок.

– Глава охраны Клинов, – услышал я знакомый басистый голос. Фридрих Клинов был очень прямолинейным, но далеко не глупым человеком, одним из немногих, кто не пытался постоянно подмазаться ко мне или к отцу. Он с детства присматривал за мной и научил

довольно многому, в какой-то момент даже заменил фигуру отца. Его верность нашему клану не вызвала сомнений, и он в любом случае попытался бы меня остановить, сообщи я ему о своих намерениях.

– Это я, – рядом стоял коротышка, поэтому мне приходилось фильтровать то, что я буду произносить вслух. – У меня проблемы.

– Мы уже догадались, Марк. Твоя геопозиция не менялась уже больше часа, отряд должен быть на подъезде к городу, – ну конечно, как же иначе. – Где ты сейчас? Тебе угрожает опасность?

– Видимой угрозы нет, но это пока, и я не уверен. Сейчас я нахожусь на железнодорожных путях, рядом с силосной башней. Поезд в часе ходьбы, по направлению к столице. Возвращаюсь к нему, – я постарался дать емкую информацию.

– Жди нас, – Фридрих облегченно выдохнул. – Отец беспокоится.

– Он может... – я хотел высказать все, что думал об отце и его заботе, но запнулся. – Пусть не беспокоится.

Я бросил трубку и заученным движением вернул смартфон себе в карман.

– Все.

– Точно? – Никита подозрительно смотрел на меня. – А то как-то ты странно говорил. Кому ты звонил?

Я замялся.

– Можно сказать, что у меня друзья в органах. Я звонил им напрямую. Через них помощи быстрее дождемся, чем если бы звонили в службу спасения, – выкрутился я.

– О! – коротышка пришел в восторг от моих слов. – Мне б такие связи! Как вернемся, приколю пацанов, что с нами, оказывается, ехал очень важный человек!

– А вот этого бы не хотелось, – я хмуро посмотрел на коротышку. – Ты знаешь, и ладно. Но остальным знать не обязательно. Связями нужно пользоваться, а не хвастаться.

Он понимающе кивнул. Я, если честно, не был уверен, что он сдержит язык за зубами.

– Не парься, – кажется, он заметил мое сомнение. – Я просто намекну ребятам, что ты непростой человек, и все. Конкретного ничего не буду говорить.

Я улыбнулся. Почему ему так хочется кому-то об этом рассказать? За последние несколько часов нашего совместного пути его образ мышления начинал казаться мне все более и более детским. Было очень легко зацепить его внимание настолько, чтобы он не думал ни о чем ином, кроме как об идее или предмете, что отвлекли его. Возможно, это не эффект мертвого города, а просто характер?

– Так что теперь, возвращаемся? – Никита вопрошающе посмотрел на меня.

Грустно опустив голову вниз и уставившись на кончики своих кед, я вздохнул и принялся подниматься с земли, на которой сидел все это время.

– Возвращаемся.

Я представил, как мне предстоит сидеть в полупустом поезде и ждать людей отца, которые скоро придут и отвезут меня обратно к нему. А потом я в очередной раз буду вынужден слушать о том, какой я плохой сын и как он во мне разочарован. Однако, что гораздо хуже, вряд ли у меня получится сбежать второй раз, а значит...

– Слушай, – загадочно пробормотал коротышка, нарушив мой поток мыслей. – Вот у тебя есть интернет?

Я кивнул, не понимая к чему он клонит.

– И мы находимся в уникальном месте, куда никто в здравом уме не сунется.

– К чему ты ведешь? – я слегка наклонил голову, прищурившись в предвкушении очередного идиотского предложения от коротышки.

– Давай выложим ролик и парочку фото в соцсети! – восторженно выпалил он.

– Бред, – отмахнулся я.

– Нет! Ну послушай! Это ж так круто! Я только сейчас подумал, мы ведь сможем хайпануть!

– Давай без этого, – мне его идея казалась по меньшей мере неуместной.

– Ну пожалуйста! Такой шанс выпадает всего один раз в жизни! – молил он.

Такая чепуха не для меня. Не могу сказать, что я был каким-то интернет-аскетом, которого нельзя отследить в сети. Просто мне никогда не хотелось тратить время на соцсети.

Конечно, я использовал «Постер» – приложение для обмена фотографиями и видеозаписями с элементами социальной сети, популярное в основном среди более общительных, чем я, людей. Но использовал я его в основном для покупок. Ну, или для слежки за настоящим профилем моей суженой, чего греха таить.

Иногда я выкладывал фото и истории, иногда на меня кто-то подписывался. Но все это было несерьезно; в основном мой профиль состоял из небрежных селфи и нескольких угнетающих пейзажей, которые не выделялись ничем особенным, но почему-то запали мне в душу. Так что можно сказать, что особого веса в интернет-пространстве я не имел. По моей странице было невозможно даже узнать о моем происхождении.

Я достал телефон и еще раз посмотрел на слегка потрескавшийся экран. Интернет в этом месте был слабым, но его должно хватить, чтобы транслировать видео низкого качества.

Но я все еще сомневался.

Коротышка на секунду задумался, подбирая слова.

– Вот тебе нравится какая-нибудь девушка, а? – глаза Никиты горели.

– Допустим, – он даже не осознавал, насколько иронично это звучит в моей ситуации.

– Вот представь ее реакцию, когда она узнает, где ты был, а? Когда она увидит ролик, ты же сразу в ее глазах на уровень выше поднимешься. Не каждый сюда сунется! Мертвый город, все дела! Хотя на деле это пустяк. «Я тут гуляю, и все мне ни по чем!» Сейчас она об этом не знает, а как увидит ролик!..

А вот услышав этот аргумент, я даже как-то немного задумался. Если говорить простым языком, то коротышка предлагает мне попонтоваться.

Мне вспомнился момент, на котором я разорвал связь с Элизой (или, вернее будет сказать, после каких слов: «Вероятно, уже никуда»). Интересно, как она отреагирует, если увидит видео?

– Ладно, – вздохнул я. – Уговорил.

– Отлично! – коротышка широко улыбнулся. – Ты не пожалеешь! Я счас так все преподнесу, что у всех челюсти попадают!

Коротышка засуетился и принялся бегать туда-сюда, разглядывая окрестности и «на глазок» подбирая ракурсы.

– Готов? – нетерпеливо спросил я его.

– Да, – уверенно произнес парень.

И я начал снимать.

– Всем привет! Я Никита Санчес, довольно известный в своих кругах человек! – я тут же засомневался в такой интродукции. Он на мгновение принял дурацкую позу, словно для выпускного фото, а затем тыкнул пальцем в мою сторону. – Меня снимает мой новый друг Марк. Он офигенный тип! Если что, фингал под моим глазом – его заслуга! – парень указал на свой глаз и глупо рассмеялся.

Я поправил телефон у себя в руке и продолжил снимать, в очередной раз подумав о том, насколько это идиотская затея.

– Кстати, мы в мертвом городе! Ага-ага, в одном из тех самых! – коротышка развернулся и посмотрел по сторонам, после чего на секунду опустил плечи. Видимо, он только сейчас понял, что рельсы и щебень бывают не только в мертвых городах.

– Ну, может, самого города тут и не видно, – он вострепнулся и враз повеселел, – н-но поверьте, мы на его территории! Даже геотег поставим! Марк, ну-ка покажи ту фигню!

Я медленно повернул камеру в сторону башни, пытаясь захватить ее целиком. Но мне это никак не удавалось, потому что либо заваливался горизонт, либо я упускал какой-нибудь кусок крыши, отчего реальные размеры сооружения казались меньше, чем было на самом деле.

Однако коротышка не оценил всю серьезность, с которой я решил отнестись к моей операторской работе, и, не дав мне захватить идеальный ракурс, нагло влез в кадр.

– Мы ехали в столицу, когда наш поезд остановился по необъяснимым причинам! – я хмыкнул. Как же, «необъяснимым»! Скажи это труп в моем вагоне. – Персонал поезда мистически исчез, люди начали сходить с ума, а мы с Марком отправились на поиски...

Очень удачно он взял паузу, подумал было я, пока не проследил за взглядом коротышки. Он пристально смотрел на кусты по соседству. Они шевелились; казалось, там кто-то есть.

«Завязывай!» – показал я ему жестом, быстро помахав ладонью у своего горла.

Парень переменился в лице и покачал головой, не понимая, что произошло.

До нас донесся очередной хруст веток из-за кустов. Никита повернулся и стал словно сам не свой. Глаза загорелись, и он с какой-то злобой принялся смотреть туда, откуда доносился звук. Я всматривался в темноту, лихорадочно вспоминая, какая из аур сможет мне помочь. Шум из-за кустов все усиливался и вот-вот должен был настичь нас. Зажмурив глаза, я глубоко вдохнул.

– Вы что здесь делаете, молодые люди? – внезапно заговорили кусты. Неужели это... рояль?

Начальник поезда Шмидт Д

– Вы что здесь делаете, молодые люди? Я почувствовал облегчение, услышав простую человеческую речь. Не знаю, чего я ожидал. Логика подсказывала, что в лесу по кустам могут бегать животные, к примеру лисы. Однако только сейчас я понял, что за весь наш поход мы не увидели никакой живности. Ни пения птиц, ни хруста веток, ни шуршания мелких зверьков – до этого момента нас окружала полная тишина. Поэтому возня в листве воспринималась как нечто совершенно аномальное, и мозг начал генерировать ужасные сценарии, один безумнее другого. Встретить здесь людей было не так страшно, как какую-нибудь паранормальную чертовщину, но тоже странно.

Стремительно расталкивая перед собой ветки руками, из-за кустов вышли две фигуры.

Я удивленно смотрел на происходящее, размышляя о возможных личностях незнакомцев. А вот коротышка нервно глядел то на меня, то на них, активно мотая головой. С каждой секундой выражение его лица становилось все более боевым. Он сжал кулаки и уперся левой ногой в землю, создавая себе опору. Парень напоминал цепного пса, которого от нападения отделяла лишь команда «фас».

И, к сожалению, он ее получил.

Когда из кустов рядом с башней в мертвом городе начали показываться люди в темных одеждах, когда я замер в попытках осознать происходящее, а коротышка с и без того измененным сознанием был доведен до предела, в этот момент мой телефон разразился мелодией входящего звонка. Догадываюсь, кто. Приятная мелодия сработала для Никиты, как красная тряпка для быка.

Следующим, что я увидел, был с разбегу летящий в кусты Никита с вполне себе лаконичным криком «УБЬЮ-У-У!». Это произошло так быстро, что я еще несколько секунд стоял на месте и пытался въехать в ситуацию и лишь потом побежал, чтобы вытащить коротышку обратно.

Он повалил за собой все кусты и фигуру в темной одежде на землю, пытаясь забить внезапного гостя кулаками, в то время как спутник жертвы что-то кричал в попытках столкнуть Никиту со своего друга. Тот факт, что он не пытался навредить в ответ, убедил меня, что они не враги.

Я попытался схватить своего спутника за плечи, тем самым свалив на землю, но он оказался шустрее, чем я ожидал. Локоть парня пронесся прямо перед моей бровью, я едва смог отклониться. Перехватив его руку, я с удивлением понял, что парень был не так слаб, как могло показаться со стороны. Усмирить его одним движением не получилось. Еще секунда – и он в своем порыве безумия переключился бы на меня.

Я резко дернул его по направлению к себе и выставил ногу вперед, тем самым заставляя упасть. Он попытался встать, но я навалился на его спину коленом и окунул лицом в землю.

Еще некоторое время он брыкался, на что я лишь сильнее заламывал ему руку.

– Все, все! Хватит! – наконец прокричал он, сдавшись.

Когда я его отпустил, Никита приподнялся на локтях и растерянно оглянулся по сторонам, словно не понимая, где находится. Я устало выдохнул.

Второй раз за день мне приходится воевать с этим парнем. Он напрочь без тормозов. Ладно еще в первый раз, когда мы с ним поцапались, а сейчас-то вышло совсем глупо. Он мог подставить нас обоих.

– Вы с ума сошли?! – завопил лежащий на земле мужчина с разбитым лицом. Второй незнакомец бросился помогать ему подняться.

Я окинул их взглядом. Черная одежда оказалась темно-синей формой персонала поезда. Они немного отличались друг от друга, и я решил, что передо мной проводник и машинист.

Почти все белые пуговицы с пиджака избитого человека были оторваны и разбросаны по округе, а на золотом значке в виде окруженного крыльями поезда красовалась аккуратная полоска крови. Это машинист.

Я подал коротышке руку и помог встать. Он поднялся и растерянно принялся приводить свою помятую одежду в порядок. Избитый Никитой машинист тоже уже стоял на ногах и стирал кровоподтеки со своего лица рукавом пиджака, в то время как проводник помогал ему отряхнуться и с некой смесью презрения и недоумения поглядывал на нас.

Закончив отряхиваться, машинист поправил пластиковый бейджик с фотографией, под которой красовалась надпись «Начальник поезда Шмидт Д.», сложил руки у груди и посмотрел на нас. Так значит, он не машинист, как я подумал вначале.

– Вы кто такие? – доброжелательностью его тон не отличался, но это можно было понять.

– Мы пассажиры, – устало выдохнул я.

– Отморозки вы, а не пассажиры! – Шмидт Д. все никак не унимался.

Мне очень хотелось извиниться перед ними как следует, доходчиво объяснить, что мы здесь забыли, выслушать историю о том, как сами мужчины здесь оказались. Но на все эти нежности не было времени.

Я понял, что Шмидт Д. сейчас слишком занят возмущением и причитанием, так что посмотрел в глаза проводнику. Тот был худощавым мужчиной лет за 30, под носом у него красовались небольшие коричневые усы, а форма, хоть и старая, выглядела опрятно, даже несмотря на путь через лес.

Видимо, он осознал, что мы больше не представляем опасности, и стоял рядом с начальником поезда по стойке смирно, словно мы до сих пор сидели в вагоне, а он пришел спросить, не хотим ли мы чашечку чая.

– А кто вообще в таком месте орет что-то из-за кустов?! Головой думать не вариант? – коротышка начал оправдываться с помощью тактики перевода стрелок.

– Ах, так это я виноват, что ты, придурок, напрыгнул на меня?! Мы сюда пришли пункт связи искать, а вы-то что забыли здесь?

Я посмотрел на проводника и решил сказать, как есть.

– В моем вагоне труп.

Все повернулись ко мне, я выдохнул и продолжил:

– Поезд остановился, потому что старик из моего вагона дернул за стоп-кран. А перед этим, насколько я понял, он убил проводника, – я глянул на коротышку, глаза которого стали чуть ли не квадратными. – Я никому об этом не рассказывал, чтобы не посеять панику. Хотел сообщить обо всем персоналу поезда. Но когда добрался до кабины, вас там не было.

– Так вот почему ты так рвался наружу, – тихо пробубнил Никита.

А вот мужчин мои объяснения сбили с толку.

– Потом мы с Никитой, – я указал на спутника, – пошли искать телефон, который я выронил, пытаюсь сфотографировать город. Он у меня спутниковый. Я уже вызвал сюда спасателей, но...

– Боюсь, нам тем более нужно добраться до пункта связи, – проводник перебил меня, глядя на машиниста.

Тот же побледнел второй раз за минуту.

– Т-ты же не хочешь сказать... – его голос звучал напряженно.

– Да, поезд остановился в мертвом городе. Если труп все еще в поезде, значит, он уже Блуждающий. Нужно вызвать помощь, сам знаешь какую, – сказал проводник.

Блуждающие? Я только слышал о них, и то легенды, но первое, что я попытался вспомнить в тот момент, – закрыл ли я дверь в купе с телом так, чтобы шелкнул замок. Или просто прикрыл ее?

– Труп из вагона сейчас, может быть, уже и не труп вовсе. Мы с вами разминулись, когда вы пошли нас искать. Мы осматривали вагоны, а потом отправились с господином Шмидтом к пункту связи. Они специально оборудованы в таких местах, чтобы вызвать подмогу в экстренном случае. Вот, заметили вас, решили разобраться, что к чему. Разобрались, как видите.

Проводник закончил свое объяснение так, словно оно было исчерпывающим, и несколько холодно посмотрел на нас.

Однако в голове много чего не укладывалось.

– Но как мы с вами не пересеклись в поезде?

– Почему же, пересеклись. Это ведь вы тарабанили в закрытую дверь, где мы с господином Шмидтом осматривали сцепление между вагонами? – я вспомнил, как блондинка требовала у железяки спасения, молотя ее руками.

– Ха, я инструмент на пол уронил, а вы как заорете хором! Пуганая детвора какая-то пошла, – начальник поезда шмыгнул носом и включился в диалог.

– Но почему вы нам ничего не ответили?

– Да сейчас, буду я в таком месте перед какими-то школярами распинаться! У нас работы и без вас хватало, – не нужно было быть семи прядей во лбу, чтобы понять, насколько ворчливым мужичком был этот «господин Шмидт».

С другой стороны, было заметно, что мужчина очень сильно переживает. Он постоянно сжимал и разжимал кулаки и то и дело смотрел на проводника, подгоняя его взглядом. Явно что-то недоговаривает.

Я было открыл рот, чтобы спросить, почему вагоны вообще были закрыты, но проводник меня перебил.

– Молодые люди, вы не совсем понимаете серьезность сложившейся ситуации. Сейчас мы теряем время.

Коротышка, который весь разговор глупо пялился на нас, почесал затылок.

– Так, эм, я что-то не догоняю. Парням угрожает опасность? И мы ведь уже вызвали помощь! Ведь так? – он посмотрел на меня, я кивнул. – Нам нужно помочь им!

– Даже если вы уже вызвали свою помощь, что вы нам предлагаете? Бежать всем вместе назад, к поезду, и не вызывать нашу помощь? Хотя это в любом случае невозможно. Мы обязаны действовать по регламенту, рассчитанному на подобные случаи.

Коротышка захлопал глазами.

– И вам я предлагаю не геройствовать, а отправиться вместе с нами. Надо полагать, это гораздо безопаснее, – предложил Шмидт из вежливости и глянул на проводника. Тот, нахмурившись, кивнул.

В этот момент шестеренки в голове Никиты начали сходиться воедино.

– Вы хотите, чтобы я пацанов там оставил? У нас так не принято, они бы меня не бросили!

– Помолчи, – остановил я начавшего снова нагреваться коротышку. Кое-что все еще не давало мне покоя. – Какой еще пункт связи? Даже у меня есть телефон, а у вас на весь поезд нет одной рации? Вы серьезно?

Проводник замялся. А вот Шмидт ответил:

– По всему городу глушится связь. Отсюда вопрос: что у тебя за телефон такой, который работает, несмотря на глушилки? Нет, не так, откуда он у тебя?

Я хмуро посмотрел на него, не собираясь отвечать на этот вопрос, и после недолгой паузы перевел тему:

– Сорванный стоп-кран – это не проблема, из-за которой невозможно продолжить движение и нужно идти к какому-то...

– Пацан, ты забываешься, – перебил меня Шмидт. – И тратишь время. Последний раз спрашиваю: вы пойдете с нами?

Я заскрежетал зубами. Какая-то чертовщина.

– Да что тут решать, – коротышка фыркнул и тут же быстрым шагом направился по обратной дороге. – Ясно же, что мы своих не кинем. Да, Марк?

Он обернулся и посмотрел на меня так, словно ждал однозначного ответа.

Дебилу блогером не стать

Мы на всех парах неслись по направлению к поезду. Спешка сделала свое дело, и обратная дорога заняла гораздо меньше времени.

Я не мог ему отказать. Как и не мог позволить себе не звонить службам отца. Можете назвать меня глупцом – я и сам это понимаю, – но я просто не мог поступить иначе. Даже если все люди в поезде уже мертвы, Никита – нет. Согласиться на предложение Шмитда и оставить коротышку одного – это, считай, обречь его если уж не на смерть, то на долгое и сомнительное ожидание прихода спасателей.

У меня была мысль отдать ему телефон, чтобы люди отца отправились спасать Никиту, рассчитывая встретить меня. Но в контексте глушилок связи я не был уверен, что GPS будет точно показывать мою геопозицию. Скорее всего, отряд прочешет весь железнодорожный путь, так что в итоге это мне ничего не даст.

Когда вдалеке показался состав, я начал выискивать хоть какие-то признаки того, что здесь произошло что-то страшное. Сам не знаю, что я ожидал увидеть, особенно на таком большом расстоянии. В любом случае кровавой бани вокруг поезда не наблюдалось, но это не значило, что мы не застанем ее внутри.

Переглянувшись, мы с коротышкой поспешили к вагону. Состояние Никиты было так себе: он был истощен как физически, так и морально. Было видно, что парню сложно держать мой темп бега, так что мне то и дело приходилось замедляться. К концу пути он бежал за мной уже чисто механически, не всегда понимая, где он и что делает. Однако он все еще оставался в сознании и, главное, молчал всю дорогу!

Не дойдя до нужного вагона десятков метров, я жестом показал парню «тихо». Никита тут же скрючился в тяжелой одышке, а я принялся красться ко входу, продумывая различные варианты того, что мы можем увидеть.

Если мы успели и люди еще живы, то мне нужно быстро и тихо вывести их из вагона... А это будет непростой задачей, учитывая наличие одной истеричной женщины, которая явно будет против идеи покинуть насиженное местечко в поезде. В случае если мы опоздали и от людей остались одни трупы, то я делаю разворот на 180, хватаю Никиту за шиворот и тащу обратно к силосной башне – ожидать спасателей.

Дверь в тамбур была по-прежнему открыта. Я аккуратно заглянул внутрь и выдохнул, ничего там не обнаружив. Уже было собрался подняться, как вдруг услышал тяжелое сопение за спиной. Резко обернулся – а там коротышка, придурок, поплелся за мной!

– Сказал же, – прошипел я ему, – стой там и не лезь! Я сам проверю!

Тот вроде бы понял, так что я максимально тихо, насколько позволяла металлическая поверхность, поднялся по ступеням. Схватился рукой за дверную ручку и медленно ее повернул. Она издала мерзкий скрип, и я приоткрыл дверь, ведущую в пассажирское помещение, ожидая худшего.

Все пассажиры, которых мы оставили в поезде, в полном составе усталились на меня, сидящего на карачках и корчащего из себя какого-то ниндзя. Главный «правый» по-прежнему сидел вместе с девушками. Трепло сидел чуть дальше и до момента моего вторжения сосредоточенно смотрел в окно. Истеричка вернулась на свое место и бормотала что-то себе под нос, уставившись в пол. Одноногий старик все так же ехидно улыбался, поглаживая свой костыль и глядя мне прямо в глаза. Благо я сразу понял, что на него внимания лучше не обращать.

Мне было бы интересно узнать, как я выглядел в тот момент. Возможно, все предсказания истерички были верны, и снаружи я действительно вернулся другим человеком. Только вот не демоном и не монстром, а самым обычным идиотом.

Возникла неловкая пауза, на протяжении которой мы долго смотрели друг на друга, пока я наконец-то не встал и не отряхнулся.

– Кхм-кхм, в общем. Мы нашли телефон, а заодно и машиниста с проводником, – я прокашлялся и начал объяснять произошедшее пассажирам поезда, по очереди переводя взгляд то на одного, то на другого. Главное сейчас – не посеять случайно панику и убедить всех покинуть помещение.

– Нас наконец-то вытащат из этой дыры? – с упреком перебила меня блондинка.

– Да, но сейчас нам всем лучше просто выйти из вагона, – мне показалось, что раз пока ничего страшного не произошло, деликатный подход будет вполне уместен.

– Это почему? – привстал со своего места главный «правый». – И где Никитос?

– Он внизу, сейч... – я хотел уверить всех в том, что сейчас спущусь и приведу его сюда, однако нужда в этом отпала: тяжело дышащий коротышка в тот же миг влетел внутрь вагона, громко хлопнув дверью. Отодвинув меня с середины прохода, он начал вещать:

– М-мы с М-Марком х-ходили за телефоном! – парень театрально махнул руками и, всматриваясь в лица людей, продолжил своеобразно объяснять сложившуюся ситуацию. – И встретили... сразу обоих мудаков, которые рулили этой консервной банкой! – вот тебе и вся деликатность.

Макс нахмурил брови и недоверчиво посмотрел на коротышку, который всем своим видом излучал грозную решительность. Мне все хотелось перебить его и нормально объяснить, что к чему, однако парень никак не унимался.

– И самое смешное... вы представляете... мы все время тусили рядом с трупом! А сейчас он даже не труп, а какое-то неведомое существо!

Я хлопнул по лицу ладонью.

Непонимание на лицах пассажиров сменилось удивлением; они подозрительно посмотрели на меня. Испуганный взгляд истерички буквально кричал: «Я так и знала!»

– Не-не-не! – тут же замахал я руками, – он не обо мне...

Как говорил еще один великий человек: «Когда в команде идиот, не строй планы, он их все равно разрушит».

– Ничего не понимаю, да что с твоим другом вообще такое? – блондинка странно глянула на меня с главным «правым». Не могу сказать, что коротышка приблизился к званию моего друга, но в его сознании реальность играла совершенно иными красками. Возможно, он уже воспринимал меня другом, с которым прошел огонь и воду.

– Вообще-то, – я глянул на размахивающего руками Никиту, – он немного перенервничал, но в целом прав. Нам всем следует выйти и ждать помощи снаружи.

– Ч-что? Ты ведь нашел телефон, так? – спросила блондинка, в то время как истеричная женщина позади нее уже привстала со своего места и приготовилась вступить в бой.

Чтобы убедить всех в том, что помощь действительно уже в пути и я говорю правду, я достал телефон из кармана. Разблокировал и поднял вверх, показывая экран.

– Вот, видите, сеть ловит. Я уже вызвал помощь.

– Ага! – подхватил коротышка, – Марк оказался важным хером и позвонил напрямую в органы! – я в очередной раз хлопнул себя по лбу, заметив заинтересованное лицо Макса. – А потом мы запилили стрим...

Увы, хитрая гримаса коротышки прошла мимо меня, и я не заметил, как он резко потянулся за сотовым. В результате парень выхватил мобильник из моих рук и быстрым шагом направился вглубь вагона, чем на секунду ошарашил меня.

– Эй! Стоп! Отдай трубу! – прокричал я Никите, последовав за ним.

– Спокуха, Марк! Мне пришла в голову гениальная идея! – восторженно ответил мне он. За эту «гениальную идею» я был готов ему второй глаз разукрасить.

Макс, все это время молча наблюдавший за мной, поднялся со своего места и тоже направился за Никитой. Тот все отдалялся.

– Никита, черт тебя побери! Что ты творишь?! Сядь! – бритоголовый почти что кричал.

– Ха! Да подожди ты! Мы с Марком тут одну тему придумали... Ты знаешь, сколько сейчас блогеры зарабатывают? А сейчас у меня есть шанс хайпануть, который выпадает раз в жизни! Я буду блогером!

– Ты дебил, а не блогер! – сквозь зубы ответил ему Макс. – Дебилу блогером не стать!

Я выругался. Зачем он его еще больше провоцирует?

– Никита, это не шутки! Стой! – я побежал за ним, уже догадываясь, что он хочет сделать. Но этот придурок тоже ускорился, параллельно тыкая пальцами по экрану моего смартфона.

Истеричка как раз находилась в конце вагона. Я с надеждой посмотрел на нее.

– Остановите его! – крикнул я женщине, но та лишь схватила за свой кулон и нервно забубнила себе под нос. Твою ж... Как мне войти не давать – так это легко, а когда надо коротышку остановить, так извольте.

– Просто доверься мне, окей? – Никита стоял на своем. – Ты сам меня потом благодарить будешь!

Произнеся это, он уже дошел до двери в конце вагона, пару раз нажал на экран и поднял телефон чуть выше себя, очевидно, включив камеру.

– Привет! Это снова я и снова из мертвого города! Думаю, вам было бы слабо сюда сунуться, ха! – я с ужасом смотрел, как коротышка потянулся к ручке двери, повернул ее, открыл дверь и ступил за порог тамбура. – Поверите ли вы мне, если я скажу, что за этой дверью сейчас сидит самая настоящая нежить? Ну, или за следующей.

Мы с Максом переглянулись и без единого слова поняли друг друга – через весь вагон неслись уже мы вдвоем. Впрочем, девушки тоже аккуратно поспешили за нами.

Коротышка уже находился в тамбуре и открывал дверь, соединяющую вагоны. Секунда – и он уже там.

– ДА СТОЙ ТЫ! – орал я.

Мне до него оставалось пару метров, всего ничего – перейти в тамбур соседнего вагона. Сейчас я внутренне проклинал себя за то, что не выломал все рукояти дверей. Ведь чувствовал же, подозревал, что какой-нибудь идиот сунется туда.

Еще пара секунд – и я оказываюсь в тамбуре соседнего вагона, а коротышка уже открывает дверь, ведущую в пассажирское помещение. В режиме селфи он поворачивается, чтобы заснять себя, пассажирское помещение и все, что там творится. За открытой дверью стояло блуждающее, освещенное желтым светом ламп существо.

В этом существе угадывался мертвый проводник. Его тело в нескольких местах было вывернуто под странными углами, кости прорывались сквозь плоть и синюю униформу и, казалось, двигались независимо от тела. Острые костяные наросты разбросаны по всему телу монстра. Голова чудовища висела мертво и неподвижно, теперь больше напоминая какую-то чужеродную опухоль, чем хранилище для критически важного органа.

С каждым движением это создание хрустело и издавало горловые, сопящие звуки. Создавалось впечатление, что каждая секунда жизни была для него нестерпимой болью, и если не учитывать, что монстр хотел выпустить нам кишки, его бы даже можно было пожалеть.

Все это видели мы со стороны. Это же видел и Никита, только через экран телефона у себя за спиной. Он побледнел, с ужасом перевел взгляд на меня.

– М-мать... – это было последнее, что он успел произнести.

Раздался громкий хруст – и коротышка захлебнулся собственной кровью; он широко распахнул глаза от боли и опустил взгляд вниз. Где-то чуть ниже сердца торчал острый костяной отросток, измазанный кровью. Острие выступало сантиметров на десять из тела. Кровь вырвалась багровым потоком, словно воздух из шарика, надутого гелием. Бросив последний,

до жути осознанный взгляд на нас, Никита обмяк. Мобильный телефон выпал из его рук, ударился об пол и упал посреди тамбура камерой вверх.

Время словно застыло на месте, и я молча смотрел на труп коротышки, в очередной раз не осознавая того, что произошло у меня на глазах. Благо ступор длился всего пару секунд. Меня привел в себя истошный крик блондинки.

Я обернулся – Макс и девушки столпились прямо в открытом проходе за моей спиной.

– Назад! – прокричал я им, отступая. В моей голове было совсем пусто – ни единой мысли о том, что сейчас делать.

Но кто мог знать, что ситуация станет еще хуже. Макс захлопнул металлическую дверь вагона прямо у меня перед носом. Я остался один в полутемном тамбуре – с тварью, пытающейся стряхнуть тело коротышки с кости.

Бей первым, умирай последним

Я растерянно посмотрел на ошарашенное лицо Макса за стеклом, который, казалось, сам не до конца понял, что сейчас сделал. В другой ситуации я бы заорал на него и потребовал выпустить меня внутрь, но сейчас у меня не было времени.

Я резко развернулся лицом к твари, спиной вжавшись в закрытую дверь. Я находился в закрытом резиновом шлюзе-гармошке между вагонами. Блуждающий пытался высвободить свой «клинок» из трупа Никиты в тамбуре в паре метров от меня. Тварь явно не блистала умом.

Руки задрожали. Меня пугали все те острые отростки – торчащие деформированные кости по всему телу твари. Сражаться с Блуждающим у меня не было никакого желания, да еще и узкое пространство тамбура – не лучшее место для драки.

Но какой у меня был выбор? Меня поставили в безвыходное положение. Стиснув зубы, я активировал «Рвение» – это очень эффективная аура из арсенала как чистых магов поддержки, так и боевых. Она позволяла увеличить импульс удара, приходящийся по цели, и компенсировала отдачу от него. Применялась при стычках в ближнем бою и была частью тактики «Бей первым, умирай последним».

На ее активацию уходили хорошие три секунды, а эффект ауры заканчивался вместе с первым нанесенным ударом. Боевые маги реактивировали ауру по мере надобности прямо во время боя, а маги поддержки – каждые полминуты, чтобы на отряд постоянно накладывалось усиление. Я не опытный боевой маг, который во время боя чувствует активность ауры, так что придется считать секунды и ждать, когда свечение на руках угаснет.

Один...

Я краем глаза заметил желтое свечение в области своего запястья.

Два...

Тварь почти освободилась, изволив тело коротышки по полу тамбура. На полу было разлито слишком много крови, и я молился о том, чтоб случайно не поскользнуться.

Три...

Одновременно с тем, как желтое свечение у моих запястий угасло, а тело Никиты слетело с кости Блуждающего мне под ноги, тварь, громко взыв, бросилась на меня.

Я сделал рывок ей навстречу, увернулся от колющего удара и что было сил зарядил ногой в грудную клетку – туда, где торчало меньше всего костей. Хотел бы я сказать, что этим ударом со звонким звуком «чпоньк» я отправил тварь в полет через весь вагон... Но увы.

Несмотря на звук треснувших костей грудной клетки, инерции удара хватило лишь на то, чтобы остановить Блуждающего и заставить его отступить на несколько шагов назад. А я-то надеялся, что затолкну его обратно в пассажирское помещение, из которого он вылез, и прикрою по-тихому дверь!

Я потерял несколько мгновений, в ужасе наблюдая за тем, как быстро восстанавливается эта тварь, и затем активировал «Рвение» повторно. Увы, было поздно. Блуждающий снова неся на меня.

Три секунды – это непозволительно долго! У меня не оставалось вариантов, кроме как снова пнуть монстра ногой, уже безо всякой ауры. Чудо случилось: тварь отступила на шаг и споткнулась о тело Никиты. Блуждающий провалился через открытую дверь в соседний вагон.

Я удивился подобному везению. В одно движение я перескочил через труп Никиты к двери и захлопнул ее, понимая, что это лишь временное спасение. В отличие от крепких внешних железных дверей, эта выглядела довольно хлипенько и была сделана из переработанного дерева.

Блуждающий принялся ломиться в дверь, я же отошел назад и задел что-то ногой. Это был мой телефон, на котором продолжалась та злополучная трансляция, ради которой Никита

отдал свою жизнь. Я быстро схватил сотовый, посмотрел прямо на свое испуганное лицо в отражении камеры и дрожащими пальцами попытался выключить стрим. Спустя пару неудачных попаданий по поверхности экрана я просто засунул мобильник в карман.

Быстро глянув на Никиту, я заметил, что кровь из его груди была гораздо темнее, чем следовало бы. Логично допустить, что он тоже скоро обернется в Блуждающего и вместо одного чудовища их станет двое на одного меня.

Остальные пассажиры все это время наблюдали за происходящим через стекло. На их лицах читался испуг, а Макс и вовсе дрожал, открыв рот от шока. Я злобно и многозначительно посмотрел прямо ему в глаза, и до парня постепенно начало доходить, на что он меня обрек. Он закачал головой и поспешил к двери, чтобы выпустить меня. Когда его рука уже лежала на ручке, со спины на него налетела истеричка. Парня впечатало в дверь, он растерянно повернулся и снова попытался добраться до двери, но эта чокнутая никак не давала ему прохода. Было ясно, что женщина против того, чтобы он впускал меня внутрь. Черт.

Деревянная дверь позади меня заметно трещала и с каждым ударом все больше норовила сорваться с петель. Полагаю, глупо ждать, пока кто-то из этих ублюдков соизволит меня спасти. Значит, придется самому позаботиться о своей шкуре. И если уж сражаться, то точно не в условиях коробки три на два метра, а на открытом пространстве.

Я посмотрел на дверь, через которую ушли старики. Точно помню, что ее закрыли неплотно: я тогда еще подметил сквозняк из-под щели. Скорее всего, засов не встал в паз, а просто уперся в раму. Возможно, мне удастся выбить ее, особенно под усилением.

Я перенес вес на сзади стоящую ногу, а ту, что впереди, приподнял для удара.

К этому моменту мое «Рвение» уже было активно, и я ударил ногой в область замка. Резко, сильно, всей стопой. Если тварь я бил как попало, то в этот удар вложил всю энергию тела и его вес.

Ход защелки стал свободнее. Металл двери прогнулся в области удара. Снова «Рвение». Я продолжил без остановки бить по двери, хоть оно пока и не активировалось. Три секунды – и очередной удар влетает гораздо более звонко, чем предыдущие. Раздается гул металла. Дверь прогибается еще больше; кажется, что еще один мощный удар – и она окончательно падет.

Одновременно с тем, как «Рвение» перезарядилось в третий раз, Блуждающий наконец снес преграду. Я отчаянно навалился на дверь плечом, молясь о том, чтобы не сломать себе кость.

Дверь все-таки поддалась, и я кубарем полетел вниз, приземлившись на краю железно-дорожной насыпи. Мой полет остановило массивное бревно с множеством веток: я вписался в него мордой, ободрав всю левую сторону лица. В глазах резко потемнело, и я чуть было не отключился, однако рев за спиной немного привел меня в чувство, заставив механически перекатиться в сторону.

Спустя мгновение на бревно, где красовалась моя кровь, приземлился Блуждающий. Один из костяных отростков, что служили ему клинками, сломался от жесткой посадки об дерево.

Существо выглядело разъяренным. На какое-то мгновение я даже задался вопросом: кричит ли оно сейчас от боли или от того, что я в очередной раз увернулся от смерти, заставляя его продолжать погоню? Однако все мои размышления прервало воткнувшееся в землю лезвие.

Все происходило очень быстро, не было времени встать на ноги, а потому я то перекатывался, то отползал назад, увиливая от атак монстра. Видимо, падение не прошло для Блуждающего бесследно, так как лезвие свистело в воздухе не так быстро, как раньше, да и точностью удары похвастаться не могли.

Я ползал наперегонки со смертью не больше минуты, но в какой-то момент мне начало казаться, что я сдаю позиции. Удары приходились все ближе и ближе, несколько раз Блуждающему даже удалось меня зацепить – и на синих джинсах проступила кровь.

Паника все нарастала; тело словно двигалось автономно, независимо от меня, а все, что оставалось сознанию, – это наблюдать за происходящим, всматриваясь в обезображенное нечто. В какой-то момент руки, которыми я перебирал землю позади меня, не смогли найти опоры – и я полетел спиной вперед.

Это падение было таким же резким и пугающим, как в моменты сна, в которых тело находится в свободном полете, а затем ты резко просыпаешься, пережив некое подобие микроинсульта. Однако сейчас мое падение было вполне реальным. Несмотря на многократно повторяемую про себя мантру «Лишь бы это был сон», пролетающие мимо деревья, кусты и мои собственные ноги выглядели и ощущались слишком настоящими.

Слетев вниз и заработав десятки синяков, я наконец-то остановился. В глазах по-прежнему было темно, боль по всему телу разрывала мою нервную систему на куски. Я быстро оглянулся и, не заметив поблизости Блуждающего, принялся ощупывать свое тело, чтобы удостовериться, что все в порядке.

Удивительно, но вроде бы мне удалось пережить спуск без переломов. Нельзя сказать, что от этого каждый сантиметр моего тела болел меньше, но как факт радовало.

Однако не успел я как следует обрадоваться, как заметил, что темнота в глазах на самом деле была... темнотой в глазу. Одним. В голове пролетела страшная мысль, и я дрожащими руками потянулся к лицу.

Каждое касание кожи на лице отдавалось жгучей болью. Похоже, я стесал добрую половину своей физиономии, когда приземлился о бревно после прыжка из поезда. Но тревожило меня не это. Когда пальцы добрались до глазниц, я с ужасом нащупал нечто, торчащее из моего левого глаза. Вернее, из того, что от него оставалось. Пальцы схватили чужеродный объект, и я, не особо осознавая, что вообще делаю, начал вытаскивать его из своей головы. Небольшая ветка – видимо, все с того же бревна, будь оно неладно. Из глаза тут же полилась жидкость, кровь вперемешку со слезой стекала по моим расцарапанным щекам.

Мне захотелось орать что было силы. И, черт подери! В этот момент на склоне показалось мерзкое существо, полное желания выпустить мне кишки. И, в отличие от меня, у него не было никаких проблем со спуском! Похоже, Блуждающий даже наоборот, разогнался, и теперь сокращал расстояние между нами с пугающей скоростью.

Когда на кону стоит вопрос жизни и смерти, ты не думаешь. Ты действуешь по воле инстинктов. А сейчас они посылали мне один невероятно простой, но важный сигнал – нужно бежать.

И я побежал: я бежал быстрее, чем когда-либо в своей жизни. Я прорывался сквозь заросли и кусты; ветки кромсали и царапали меня – в который раз за этот вечер.

В голове не было четкого плана. Я не понимал, что делать дальше, даже если мне удастся сбежать от Блуждающего. В этот момент в голове было пусто, я двигался на инстинкте бежать вперед и уворачиваться от особо крупных веток. Мне то чудилось, что тварь буквально дышит мне в спину, то что она безнадежно отстала от меня и я в безопасности. Месиво темно-зеленого цвета, которое находилось перед моим лицом на протяжении нескольких километров, в моем воображении складывалось в причудливый коридор, неизменно готовый вывести меня к спасению.

И когда легкие горели пламенем, а ноги понемногу начали путаться, так и произошло. «Коридор» начал редеть, мне в глаза (в глаз!) начало попадать все больше и больше света, и даже сам воздух словно изменился. Прошла минута – и зелень по бокам от меня сменилась пустырем. Я выбежал на окраину мертвого города.

Передо мной показалась длинная улица, с одной стороны которой стоял ржавый забор с парой-тройкой отсутствующих секций, а с другой – расставленные примерно на одинаковом расстоянии жилые дома. В большинстве своем здания были пятиэтажными и стояли довольно плотно друг к другу. Возле каждого дома вились теперь уже почти заросшие всяким бурьяном

тропинки, мощенные плиткой, создавая собой единую сеть дорожек, ведущую куда-то за дома, вглубь дворов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.